

Саммер ЛЕНЦ

БОЛЬШОЕ КОСМИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Повесть

Вступление. 25 августа 1985 года

Сэм в нетерпении пританцовывает рядом с папой:

– Па, можно уже мне?! Ну па!

– Сэмми, одну минутку, – Артур перекладывает трубку телефона от левого уха к правому. – Да, милая, слушаю.

Артур Смит и его дочь Саманта всего полчаса как в бостонском аэропорту. Их самолёт до Огасты примерно через час, они решают выпить кофе, и в кафетерии их приглашают к телефону. Звонит Джейн Смит.

– Ты уже ждёшь? Что? Какое письмо?

Артур внимательно слушает взволнованный голос супруги. Потом спрашивает:

– Ты думаешь, что это правда? Что?.. – Артур отрывается от телефона и спрашивает официантку: – Простите, у вас есть факс?

– Да, сэр.

– Спасибо, – и Артур снова прикладывает трубку к уху. – Да, милая, есть. Хорошо. Подожди, тут Сэм готова мне руку оторвать.

Саманта узурпирует канал связи.

– Привет, ма! Мы уже скоро! Что?

Весёлое лицо её мгновенно становится серьёзным. Она поджимает губы и начинает медленно кивать. В это время официантка шёпотом спрашивает Артура:

– Прошу прощения, сэр, это не моё дело, но... Это ведь Саманта? Девочка, которая была в России?

– Да, – кивает Артур. – Это моя дочь.

Официантка протягивает ему руку и горячо пожимает.

– Сэр, это такая честь для нас. Она совсем уже взрослая, но лицо всё такое же. Мы очень за вас болели тогда, честно! Моя дочь с ума сойдёт, когда я ей расскажу, кого обслуживала!

– Спасибо, мэм, – улыбается Артур. – Сейчас Сэм положит трубку, и нам должен прийти факс...

– Тотчас вам его передам, сэр. Храни вас бог.

– И вас.

Саманта заканчивает разговор и возвращается за столик.

– Ты в порядке, Сэм? – спрашивает папа.

– Да, в полном.

– И что ты думаешь обо всём этом?

Сэм склоняется над столиком и таинственным шёпотом говорит:

– Кажется, наше путешествие продолжается.

Велосипед

Боре два с половиной года. К его трёхколёсному велосипеду недавно прикрепили звонок. Это для того, чтобы соседи по этажу успевали отойти в сторону, когда Боря мчится по коридору из кухни в свою комнату. Боря пока самый маленький в общежитии. Но скоро мама родит брата или сестру, и тогда Боря станет большим. Боре нравится ездить на велосипеде и звонить в звонок.

Мама выходит из комнаты в коридор.

– Боря, идём за хлебом!

Боря оглушительно трезвонит и мчится к маме. Но в середине коридора, рядом с кухней, он неожиданно сворачивает налево, к лестничной площадке.

– Боря, стой! – кричит мама.

Но уже поздно – Боря вырывается к крайней ступеньке и смотрит вниз. Интересно, что будет, если съехать по лестнице? Вверх точно не получится – он уже пробовал. И Боря смело нажимает маленькими пухлыми ножками на педали, как раз в тот момент, когда мама выбегает из коридора.

Велосипед сразу перестаёт слушаться Борю. Руль вырывается из рук, седло толкает под попу, и Боря кубарем катится вниз. Ему больно и страшно. Но реветь он начинает лишь окончательно скувыркнувшись по пролёту, когда велосипед пролетает мимо и стучается в стену.

Мама быстро спускается к Боре и испуганно его ощупывает, пока он самозабвенно ревёт. Из носа у Бори течёт кровь, на ноге ссадина, шортики запачкались, один сандалик остался на ступеньке. Но в целом Боря в порядке. Мама вздыхает и тащит сына обратно. В комнате она раздевает Борю, потом несёт его в бытовку и отмывает холодной водой. Боре это не нравится, но он уже не ревёт, потому что любит, когда мама держит его на руках.

Они возвращаются в комнату. В носу у Бори торчат ватные комочки, чтобы кровь не текла. Боря их не вытаскивает, он знает, что так лучше. И шумно дышит ртом. Мама надевает на него чистую рубашку, чистые шортики и носочки, и они идут в магазин.

Велосипед остаётся стоять на лестнице. Он наказан.

В магазине

В хлебном магазине Боре нравится бывать больше всех прочих. В хлебном магазине просторно и светло. Там почти ничего нет, только длинный шкаф с наклонными полками, на которых лежат буханки белого и чёрного хлеба, батоны, и круглые булочки, которые называются как колбаса – докторскими. Вдоль шкафа тянется блестящая труба, на которой Боря постоянно висит, как обезьянка. Эта труба не даёт покупателям разбредаться по магазину и лезть без очереди к кассе, за которой сидит всегда сердитая тётенька в белом халате и белом поварском колпаке. Касса приятно потрескивает и позвякивает, на ней много кнопочек, но нажимать на них сердитая тётя не разрешает.

Пока мама покупает хлеб, Боря успевает покачаться на блестящей трубе, пробежаться по магазину туда-сюда, а когда ему становится скучно, он вдруг замечает, что огромная вилка на верёвочке, которой проверяют мягкость хлеба, висит себе без дела. Это непорядок. Такая замечательная вещь не может висеть просто так.

Боря подходит к полкам, берёт вилку в правую руку и деловито, помогая левой рукой, протыкает вилкой хлеб – и докторский, и белый, и чёрный, и батоны, и ромовые бабы, и плюшки с сахаром. Так проверять мягкость гораздо интересней.

– Боря, не смей! – кричит мама.

Сердитая тётя на кассе тоже что-то кричит, но Боря не обращает внимания.

Он занят.

Боря и телевизор

Боря любит смотреть телевизор. Сначала одно показывают, потом сразу другое, потом ещё что-то, потом пора спать. Боре кажется, что он живёт в телевизоре. Вот они с мамой кашу едят, потом будто программу переключили – мама куда-то пропадает, а Боря с папой едет куда-то в тесной кабине грузового автомобиля. Потом Боря снова дома, смотрит телевизор, сидя у соседки на коленях, за окном темно, идёт дождь, и вдруг в комнату заходят мама с большим свёртком и папа с таким же свёртком. Щёлкает

переключатель – и вот Боря возле нарядного дерева держит папу за руку, а к ним подходит какой-то дядя с бородой и мешком и даёт Боре разноцветный бумажный кулёк, а потом Боря вдруг снова в кабине грузовика, с папой, мамой, двумя орущими одеялами и ещё каким-то дяденькой за рулём, и вокруг темно, но вскоре они останавливаются, и Борю заносит в какой-то дом, где они будут жить.

А потом вдруг снова лето, и Боря стоит у тёмного двухэтажного бревенчатого дома, он уже большой, ему три с половиной года, и папа фотографирует его фотоаппаратом «ФЭД». Боря уже откуда-то знает, что это не его дом, но здесь на втором этаже живут его бабушка, тётя и дядя, и ему здесь нравится, потому что здесь много места, бабушка варит вкусный куриный суп, и у всех есть свои имена, и Боря их знает, и даже умеет говорить длинное непонятное слово «фаридсейфульмулюков», которое услышал из телевизора, который у бабушки тоже есть.

Но Боря уже понимает, что живёт не в телевизоре. Потому что телевизор – чёрно-белый, а цветной стоит триста рублей.

Индийский танец

Дядя Лёша приносит дрова. Дрова хранятся в сарае за домом. Там много таких сараев, и старшие ребята скачут по ним, как козлы. Дядя Лёша тоже скачет, Боря видел.

Боря зовёт его просто – Лёша. Лёша засовывает в печь несколько поленьев, между ними вставляет смятую газету, берёт с полки спичечный коробок и трясёт. В коробке гремят спички. Лёша чиркает спичкой по коричневому боку коробка и поджигает бумагу.

– Надо плясать индийский танец, – говорит Лёша.

Боря внимательно слушает Лёшу. Лёша уже большой, он учится в школе, и всегда придумывает что-то интересное, а ещё учит Борю стихам, которые всех смешат: «Эй, чувак, не пей из унитаза, в унитазе всякая зараза».

Лёша показывает, как размахивать руками и топать ногами, и произносит волшебные слова «Разгорыся! Разгорыся!». Боря повторяет почти так, как надо, и вот они уже вместе топчут, и размахивают руками, и на всю квартиру горланят «Разгорыся!». Удивительно, но огонь в печке действительно разгорается.

Потом Боря отвлекается на телевизор. Сначала показывают мультик про собаку в плаще, с зонтиком и трубкой, но очень короткий, а потом сразу какие-то люди начинают говорить на непонятном языке. Боря удивлённо ждёт, когда люди заговорят нормально. Через некоторое время люди – правда, уже другие, – начинают говорить о Солнечной системе. Это Боре знакомо, он видел такие картинки у мамы в книге.

Мысль о книге напоминает Боре о большой «мамапочитайке»: красной книжке со сказками. Все эти сказки Боре уже хорошо знакомы, но он любит их слушать и повторять. Боре нравится картинка с мальчиком, который скачет на игрушечной лошадке и размахивает саблей. Такой лошадки у Бори нет. Но он вспоминает, что на лошадку похожа кочерга.

Боря идёт на кухню. Лёша шурудит кочергой в печи. Вдруг на улице раздаётся продолжительный автомобильный гудок. Это приехала мусорная машина. Лёша быстро вскакивает, хватает «поганое» ведро, как называет его бабушка, и убегает на улицу. Кочерга торчит из топки. Боря подходит к кочерге, трогает её пальцем. Рукоятка кочерги гладкая и блестящая, как труба в хлебном магазине. В печке весело гудит огонь. Его жёлто-оранжевые языки пляшут на почерневших боках поленьев. Боря вытаскивает кочергу из печки, перекидывает через неё свою пухленькую ножку и начинает скакать. И почти сразу роняет кочергу и пляшет индийский танец, но вместо «Разгорыся!» ревёт от боли, потому что обжёгся. В этот же миг в квартиру вбегает Лёша.

Когда бабушка возвращается домой, Боря лежит на диване, обе ноги у него обёрнуты мокрыми полотенцами. И он не понимает, почему бабушка ругает Лёшу. Виновата же кочерга!

Боря едет домой

Мама и папа часто ездят к бабушке вместе с Борей и его маленькими братьями. И хотя Боре три с половиной года, он абсолютно точно знает, как ехать из деревни к бабушке и как добираться обратно. Нужно сесть на автобус «восьмёрку», доехать до центра, там зайти в здание автостанции, потолкаться в очереди, потом выйти на платформу два, сесть в автобус, доехать до деревни Шиши, потом от остановки идти прямо до конторы, повернуть налево, потом направо, и сразу за детским садом их дом.

Но вот Борю привозят к бабушке надолго. С ним никто не играет. Лёше некогда – у него летняя практика в школе. Тётя Люда на работе, она токарь. Бабушка засунула бельё в стиральную машину, а сама топит титан в ванной. Кот Цыган сбежал. Боре хочется домой.

Он надевает сандалики и выходит из дома. Спускается по крутой скрипучей лестнице. Выходит на улицу. На крыльце сидит сосед, которого бабушка называет Дед Армян. Бабушка говорит, если Боря будет плохо себя вести, придётся звать Деда. Дед Армян и вправду выглядит страшно: он лысый, с огромным крючковатым носом, кустистыми бровями и огромными ушами. На нём только майка, растянутые трико и тапочки. В руке Дед Армян держит палку.

– Ты куда, Борис? – спрашивает сосед.

Но Боря его не боится.

– Домой, Дед Армян, – отвечает он, спускается с крыльца и идёт на автобусную остановку.

До автобусной остановки далеко. Нужно пройти мимо бани, в которой часто моются солдаты, мимо магазина, который все называют «Берёзка», хотя Боря точно знает, что на нём написано «Продукты», мимо длинного бетонного забора, за которым находится завод, на котором работает Люда (Боря не называет её тётей). Шумят кроны тополей, желтеют акации, вдоль тротуаров лениво перекачивается тополиный пух. Боря идёт, не отвлекаясь на происходящее вокруг. Скоро будет заводская столовая, за ней – памятник солдату, и почти сразу – остановка.

На остановке пусто. Ярко светит солнце, Боре жарко, спрятаться негде. Он смотрит вокруг и видит, что дверь на проходную завода распахнута. Он смело идёт туда.

На проходной так же просторно и светло, как в хлебном магазине. И даже такие же трубы. И – о чудо! – карусель! Правда, почему-то без сидений. Боря подходит к карусели и пытается на ней прокатиться, но карусель не крутится. Из-за стеклянной двери выходит тётя в форме, похожей на милиционерскую, как у папы на работе, но тётя точно не милиционер.

– Мальчик, ты чей?

– Я Боря Воробьёв, – отвечает Боря. – Я домой еду.

– Куда – домой? – удивляется тётя.

– В деревню Шиши, – отвечает Боря. – Я восьмёрку жду.

– А где твоя мама?

– Дома, с Сашей и Пашей.

– А папа?

– На работе, он милиционер.

– Ты что – один?

– Я домой еду, – повторяет Боря.

В открытую дверь он видит, как к остановке подъезжает автобус, и собирается идти, но тут тётя говорит:

– Подожди, я твоему папе на работу позвоню.

Боря не против. Иногда папу подвозят на машине, и Боре так нравится больше. В автобусе его тошнит.

Скоро подъезжает милицейская машина. Борю сажают в кабину и везут в милицию. Только это вовсе не та милиция, где работает папа, а какая-то другая – здесь Боря ни разу не был и никого не знает.

В милиции есть телевизор, Борю садят перед экраном, и он смотрит какое-то кино. Или не кино, потому что показывает телевизор плохо, а слышно, что говорят, ещё хуже. Но Боря не обижается.

Вдруг откуда-то появляется Лёша. Он напуган почти так же, как в тот раз, с кочергой. Он о чём-то разговаривает с милиционерами, они смеются и везут Борю с Лёшей, но почему-то не в деревню, а обратно к бабушке. Бабушка очень сердита. Она сначала хочет что-то сказать, а потом просто садится на табурет, кладёт Борю себе на колени и звонко шлёпает рукой по попе, очень больно. Раз, два, три!

Боря ревёт. И ещё больше хочет домой.

Мамин чемодан

Боря дома, в Шишах. На улице жара, папа на работе, Саша и Паша спят, мама сидит на кухне, жуёт яблоко и читает книгу.

Когда папы нет дома, мама совсем другая. Она ложится на пол, упирается ногами в батарею и начинает поднимать туловище, читая при этом толстую книгу. Или крутится во дворе на самодельной карусели. Или подтягивается на турнике, если никто не видит.

Когда приходит папа, мама сразу начинает плавно ходить, говорить нежным голосом и смеяться, когда папа шутит. Пока папа дома, мама стирает, моет пол, играет с Борей. Но как только папа уходит, или даже уезжает, мама провожает его до калитки, а потом снова превращается в другую маму.

Боре нравятся обе мамы. Та, которая с папой, всегда нежно его обнимает, целует, читает сказки, моет в корыте, пускает с ним мыльные пузыри через трубочку от одуванчика, делает самолётики и парашютики из бумаги. А другая мама говорит с ним командирским голосом, будто Боря совсем большой солдат, как те, которые моются в бане рядом с бабушкиным домом. Мама рассказывает ему что-то, что не похоже на «Тараканище» или «Мойдодыра».

И ещё у мамы есть чемодан. Она держит его в собачьей конуре, но собаки у них нет. В чемодане какие-то неинтересные книги почти без картинок, много толстых клетчатых тетрадок, в которых мама что-то пишет, обложившись этими книжками и качая коляску с Сашей и Пашей. Они, как и Боря, тихо слушают, что говорит мама. А для Бори мама достаёт из чемодана открытки с космонавтами. Гагарин, Титов, Попович, Беляев, Леонов, Кубасов. И какие-то незнакомые. Мама говорит – Стаффорд, Бранд и Слейтон. Олдрин и Армстронг.

Боря думает, что это игра. Он знает всех космонавтов. Наверное, Саша и Паша тоже их уже выучили, но они маленькие и не умеют говорить.

Лужа

Боря не хочет в ясли. В яслях почти у всех детей из носов торчат зелёные козявки. Кажется, все дети в яслях до сих пор думают, что они живут в телевизоре. Боря не такой. Ему нравится смотреть, как дети играют в разные игры – катают машинки, строят из песка башни, качаются на качелях. С ними интересно. Но детсадовцы старше Бори и с ним не играют. Поэтому Боря смотрит на них из-за забора, когда гуляет сам по себе.

Боря не боится потеряться. Он знает, где живёт, и если заблудится, то обратится к какому-нибудь взрослому.

Он выясняет, где находится магазин, школа, гараж с сельхозтехникой, столовая, водонапорная башня, силосные ямы и коровник. Утомившись после приключения, Боря пускается в обратный путь. И вдруг дорогу Боре преграждает огромная лужа. Как она

здесь оказалась? Обойти лужу нет никакой возможности – по краям пыльная крапива, гораздо выше Бори.

Вдруг на том конце лужи Боря видит мужчину в кепке, клетчатой рубашке, грязных штанах и – главное! – в сапогах.

– Эй, мужик! – кричит Боря, размахивая руками.

Мужик обращает на Борю внимание. Кажется, он удивлён, что Боря умеет говорить.

– Мужик, ты сильный? – спрашивает Боря.

Мужик удивляется ещё больше, но кивает.

– Перенеси меня через лужу! – просит Боря.

Мужик чешет затылок под кепкой, потом решительно пересекает лужу и берёт Борю на руки. Кажется, он понял, почему Боря задал такой вопрос. Слабый мужик вряд ли сумел бы перенести через лужу такого тяжёлого ребёнка.

Благополучно переправившись, Боря без лишних слов пожимает мужику руку и спокойно идёт домой.

Инна

Шиши – деревня большая. На одном её конце – хлебопекарня, на другом – мелкий ручей, за которым на холме стоит огромная водонапорная башня с блестящей на солнце крышей.

Ещё за гаражом сельхозтехники есть запруда, в которой плавают лебеди. Плавают они далеко, но разглядеть их можно. Поэтому вдоль одного из берегов всегда кто-то стоит и смотрит: большие ребята на велосипедах, мужики с удочками, а иногда – мотоциклисты.

У очень многих девушек в Шишах есть мотоциклы. Летними вечерами они ездят на этих мотоциклах в город. Все эти девушки работают в сэхэтэ. Боря ещё не знает, что это такое, но любит разговаривать с этими девушками, особенно – с Инной.

Инна высокая, с короткой стрижкой, работает на тракторе. После работы она садится на свою «Яву» и гоняет по Шишам, то в одиночку, а то с подругой Верой, у которой тоже «Ява». Боря знакомится с Инной на берегу запруды: он наблюдает за белыми пятнами лебедей, и вдруг рядом останавливается мотоцикл. За рулём сидит Инна в красном спортивном костюме и красном шлеме. Боря восхищённо смотрит на неё и говорит:

– Прокати?

Инна без разговоров усаживает его перед собой, почти на бензобак. И на невероятной скорости мчит через всю деревню, от пекарни до водонапорной башни.

– Как тебя зовут? – спрашивает Боря.

– Я Инна, – улыбается Инна. – А ты?

– Я Боря Воробьёв. Я живу рядом с садиком, на улице Мира.

– Тебя подвезти домой?

– Да!

Инна довозит его до самой калитки. Мама удивлённо наблюдает из окна, как Боря слезает с мотоцикла и машет отъезжающей Инне рукой.

– Кто это? – спрашивает мама у Бори.

– Моя подруга, – отвечает Боря.

Пистолет

Боря не любит пьяных. Они страшные, прилипчивые, и всё время повторяют одно и то же. Особенно Боря не любит пьяного папу. Пьяный папа может обидеть кого угодно – и маму, и Борю, и особенно страшно бывает, когда он шатается и громко падает – Боря

боится, что он упадёт на Сашу с Пашей. В такие моменты Боря стоит рядом с их кроваткой и хнычет. Но хнычет он тихо, чтобы не рассердить папу.

Наутро все спят. Мама тревожно, папа как пьяный, Саша и Паша – как будто их только что покормили и поменяли пелёнки. Не спит только Боря. Он на цыпочках заходит в мамину и папину комнату и вдруг видит на полу, рядом с папиными штанами, кобуру. Боря осторожно подходит к кобуре и расстёгивает её. В ней пистолет. Боре нравится пистолет, а ещё больше – патроны к нему: блестящие, аккуратные, с красивыми полукруглыми пулями. Если взять их в горсть, они стучаются друг об друга с приятным мягким звуком.

Борю осеняет мысль. Если старшие ребята увидят его с настоящим пистолетом, они наверняка захотят с ним играть. Трудно найти вещь более интересную, чем настоящий пистолет. А тот, у кого есть такая интересная вещь, всегда окружён друзьями. Боря осторожно вытаскивает пистолет из кобуры. Немного подумав, он вытаскивает ещё и запасную обойму.

Одевшись, Боря выходит на улицу. Кармашки в шортиках маленькие, туда не влезает даже обойма. Пистолет тяжёлый, и даже если засунуть его под резинку шортиков, всё равно вываливается. Его приходится нести в руках. А вот обойма под резинкой держится.

Ребят постарше он видит возле колонки – они брызгаются водой.

– А у меня пистолет! – хвастается Боря.

Вокруг него тут же образуется толпа. Все хотят потрогать настоящий пистолет. Боря показывает патроны. Ребята тут же просят подарить хотя бы один. Боря разрешает. Но сил вытащить патрон из обоймы никому не хватает.

В это время появляются ребята ещё старше, которые умеют ездить на двухколёсных велосипедах и учатся в школе. Они сноровисто вытаскивают все патроны из обоймы, достают обойму из пистолета и вытаскивают патроны ещё и оттуда. Вскоре исчезают и сами обоймы, и сам пистолет. Боре это не нравится. Он требует отдать пистолет. Но его никто не слушает, а те, кому ничего не досталось, ещё и толкают его.

Боре обидно. Боря принёс такую интересную вещь, а с ним не только никто не играет, а ещё и забрали и не отдают. Он ревет и бежит домой.

Мама просыпается от Бориного рёва.

– Ты чего ревёшь? – спрашивает она.

– Пистолет забрали!

– Какой пистолет?

– Папин.

Мама пугается и убегает. Потом, уже одетая для прогулки, выкатывает на улицу коляску, кладёт туда сонных Сашу и Пашу, твёрдо хватая за руку Борю и тащит его обратно на улицу, искать ребят.

Ребята, увидев Борю с мамой, разбегаются, но кого-то из них мама знает и идёт к нему домой. Боря остаётся на улице с коляской, мама заходит в чей-то дом. Скоро слышатся крики взрослых и ребёнка. Мама выходит на улицу с какой-то тётей, тётя тащит за ухо мальчика, который взял себе настоящий патрон. Вместе они идут к следующему дому, где всё повторяется.

Боря не знает, как долго они ходят: он то идёт пешком, то мама несёт его на руках, но скоро у них появляются уже обоймы, потом все патроны. Где искать пистолет, никто не знает. Но вдруг приезжает какой-то дяденька на мотоцикле с коляской. В коляске сидит большой мальчик. Судя по тому, какой он красный, ему сильно попало. Мальчик отдаёт пистолет. Мама убирает всё в коляску, и они возвращаются домой.

Папа всё ещё спит.

Лишай

Боря находит у забора кошку и тащит её домой. Ему интересно, почему она твёрдая и не мяукает. Мама говорит, что кошка умерла, и велит Боре выбросить эту гадость в туалет, который стоит в конце двора. Боре не нравится этот туалет: там плохо пахнет и в дырке видна всякая дрянь. Боря не понимает, почему у них нет унитаза, как у бабушки.

Как только Боря избавляется от дохлой кошки, мама моет его в жестяном корыте прямо на улице, очень больно трёт вехоткой и мажет какой-то мазью. После этого она каждое утро внимательно осматривает голову Бори, а также кожу между пальчиками.

Потом они идут в медпункт. В медпункте работает соседка тётя Валя. Она говорит слово «лишай». Боря с мамой, Сашей и Пашей на специальной машине едут в город, в больницу. Там Борю стригут ручной машинкой налысо, переодевают в какие-то неприятно пахнущие вещи и уводят от мамы. Мама плачет. Боря не любит, когда мама плачет, и тоже начинает плакать.

В больнице

Боря в палате с большими ребятами. Они играют в настольный хоккей и разрешают ему смотреть и даже иногда дергать за рукоятки, двигающие хоккеистов. Вместе с ребятами Боря ходит в туалет, где они по очереди становятся на подоконник и смотрят на улицу: может, у кого-нибудь идут родители?

Боре нравится, что с ним водятся, и даже больничная еда ему нравится, он любит кашу. Только два момента заставляют его плакать по вечерам: это противная мазь на голову, которую заматывают сначала бумагой, а потом бинтами; и то, что нет мамы. Особенно ему грустно, когда звучит музыка перед последними известиями Всесоюзного радио.

Мама уехала

Неожиданно за Борей приезжает папа. Он привозит курточку, шапку, ремень и сапожки. На улице дождь. Они едут на милицейской машине, но приезжают почему-то к бабушке. Бабушка обнимает Борю и плачет. Плачет и тётя Люда. Дядя Лёша сидит в своей комнате. Саша и Паша тоже у бабушки, но они не плачут, они сосут молоко из бутылочек.

Боре наливают суп с лапшой и куриными головами. Боре нравится вкус гребешков. Но Боре не нравится, что все плачут и нет мамы. И он спрашивает:

– Мама что – умерла?

Бабушка уходит с кухни. Люда отворачивается к окну. Папа, который тоже ест суп, говорит, что мама уехала. Боря представляет, что мама едет на «двойке», или «восьмёрке», или на других автобусах, названия которых он не знает.

Доев, папа надевает шинель и уходит на работу. Боря стоит в тёмном коридоре и слушает, как шуршит электросчётчик.

Диафильмы

Время идёт. Мамы по-прежнему нет. Папа договаривается насчёт детского сада, того самого, который через забор от их дома. Саша и Паша остаются пока у бабушки.

В детском саду интересно. Там много игрушек, кубики, аквариум с рыбками. Но больше всего Борю впечатляют диафильмы. Это целое приключение. Воспитательница Галина Викторовна устанавливает на столе фильмоскоп, пока нянечки завешивают окна. Ребята, которые побойчее, вскакивают со стульчиков и стараются попасть в луч, бьющий из фильмоскопа. От этого на стене появляются чёткие тени. Чем ближе к фильмоскопу, тем тень больше. Галина Викторовна вставляет в фильмоскоп специальную крутилку, и круглое пятно на стене становится квадратным. Тут даже самые неугомонные занимают свои места. Галина Викторовна вставляет плёнку, раздаётся волшебный скрип – и

начинается кино. Пусть картинки, которые сменяют одна другую на желтоватой побелке стены, не движутся, но их яркость и размер примиряют Борю и с тем, что нет телевизора.

Арбуз

Боря прекрасно знает ассортимент сельпо. В одной витрине лежат пачки сливочного масла и маргарина, засохшая ливерная колбаса, бумажные стаканчики с ватой, обозначающие мороженое, и треугольные упаковки с молоком и кефиром. Всю другую витрину занимают фигурно вырезанные глыбы комбижира.

За прилавком стоят две продавщицы, похожие на кассиршу из хлебного магазина, только улыбочивые. За ними на полках пирамиды из шоколада «Аэрофлот», сигареты, бутылки с водкой и растительным маслом. На полу два алюминиевых бидона со сметаной, с потолка свисают ленты от мух. Иногда в дальнем углу громоздятся ящики с лимонадом или с яблоками.

Но вдруг в сельпо привозят арбузы. Боря узнаёт об этом случайно – тетя Валя, мама Вовки и Мишки Ябуровых из его группы, проходит мимо детского сада с арбузом в сетке. Весь день Боря только и думает, что об арбузе, и когда папа забирает его из садика, Боря просит арбуз.

Папе не хочется идти в магазин. Он даёт Боре пятьдесят копеек и разрешает самому купить арбуз. Папа думает, что идти по темноте в сельпо Боре будет страшно. Но Боря зажимает полтинник в кулачок и смело шлёпает от фонаря к фонарю к магазину.

Обычно в сельпо не протолкнуться, но Боря успевает почти к самому закрытию. В магазине никого.

– Тебе чего? – спрашивает продавщица.

– Арбуз.

– А где твоя сумка?

Боря понимает, что идти в сельпо без сумки было ошибкой. Но он не сдаётся.

– Буду катить! – и протягивает монетку.

Продавщица невозмутимо идёт к сваленным в огромную гору арбузам и вытаскивает такой арбузище, что Боре его, наверное, и не обхватить. Она укладывает арбуз на специальные напольные весы, двигает гирьку и говорит:

– Пятнадцать килограмм.

И протягивает Боре сдачу – пятачок.

На пять копеек можно сходить в клуб, на мультики. Но сначала нужно докатить арбуз домой. Боря подходит к своей покупке и понимает, что не сможет сдвинуть арбуз с места. Продавщица насмешливо смотрит на него, стоя у двери, уже в сапогах и плаще.

Именно в этот момент в магазин забегают Инна – в грязных кирзовых сапогах, серых штанах, промасленной фуфайке и модной лыжной шапке, которую называют то «гребешок», то «петушок».

– Пачку «Астры», – просит она.

Продавщица идёт за прилавок, достаёт красную пачку. В это время Боря подходит к старой знакомой и говорит:

– Инна, ты мне друг?

– Друг, – соглашается Инна.

– Донеси мне арбуз до дома.

Инна смотрит на арбуз и с уважением присвистывает. Она отдаёт продавщице деньги, прячет сигареты в карман фуфайки, и с видимым усилием поднимает арбуз.

Вместе с Борей они выходят на улицу. Вплотную к магазину стоит трактор Инны. Уже совсем темно, на землю вместе с дождём шлёпаются снежные хлопья. Инна кое-как впихивает арбуз под ноги, садит в кабину Борю, чертыхаясь перелезает через него, усаживается за руль и просит продавщицу захлопнуть дверь трактора.

Двигатель заводится, загораются жёлтые противотуманные фары, Инна дёргает рычаги, и трактор срывается с места. Через пять минут они уже подъезжают к Бориному дому. Инна с грехом пополам вылезает из трактора, достаёт арбуз, потом Борю, и они вместе идут в дом. Им навстречу выскакивает папа – в майке, галифе и тапках. Видит Борю, Инну, арбуз, начинает извиняться, забирает арбуз, приглашает Инну зайти, но Инна отказывается – ей ещё трактор надо в сэхэтэ загнать. Папа говорит спасибо, Боря тоже говорит спасибо.

Инна уезжает. Боря с папой моют арбуз во дворе, и дома оказывается, что арбуз спелый, и такой красный, что даже белый на месте среза. Боря съедает три куса, и наутро его постель мокрая.

«Сегодня в мире»

Осень быстро заканчивается, начинается зима. В детском саду готовятся к Новому году. Ребята разучивают танцы и песни. Боря танцует с Аллой. Танцевать ему не нравится, петь тоже. Ему нравятся костюмы медведя, волка и лисы, особенно их верхняя часть в виде головы. Но на Борю они не налезают. Поэтому дни в детском саду тянутся для Бори медленно. Он послушно отбывает время в садике, чтобы вернуться домой и посмотреть с папой телевизор.

Как-то вечером, во время просмотра программы «Сегодня в мире», папа отвлекается на телефонный звонок, и Боря остаётся у экрана один. Показывают, как в Хьюстоне, штат Техас, люди стоят в очередях за подарками, и вдруг Боря видит на экране маму. Её показывают всего несколько секунд, но Боря сразу узнаёт её лицо и походку. Мама переходит улицу, она сильно торопится.

– Мама! – кричит Боря. – Папа, мама в телевизоре!

Папа вбегает в комнату, но на экране уже политический обозреватель Валентин Зорин. Боря не перестаёт кричать, он подбегает к телевизору и начинает колотить по кинескопу:

– Мама! Там мама! Мама!

Боря в слезах пытается объяснить, что маму показывали по телевизору, но всякий раз после слова «мама» голос его срывается на визг, и все слова тонут с противным бульканьем где-то в груди. Папа берёт его на руки и качает. Боря засыпает.

Мама умерла

Утром Боря спрашивает у папы:

– А когда мама приедет из Америки?

– Почему из Америки?

– Маму показывали вчера, как она в Америке была.

Боря подробно рассказывает папе, что мама была с короткими волосами, без очков, в штанах и рубахе с широкими рукавами, у неё была большая сумка на плече.

Папа слушает, помогая Боре одеваться.

– Нет, Боря, тебе показалось. Мама не могла уехать в Америку.

– Почему?

Папа отвечает не сразу. Видно, что он не ожидал такого вопроса. Наконец, он говорит:

– Мама умерла.

Папа обнимает Борю, но Боря не плачет и не кричит, как вчера. Он не понимает, как мама может быть одновременно мёртвой и в Америке.

Они выходят на улицу. На улице холодно и темно. Лишь за забором ярко светятся окна детского сада. Сегодня утренняя.

Праздник

Праздничное настроение начинается ещё до завтрака. Галина Викторовна приносит в группу настоящую живую черепаху. Все забывают, что сегодня праздник, и толпятся возле аквариума, в котором уныло ест капустный лист коричневая сморщенная рептилия.

Интерес к черепахе у всех быстро проходит – даже за рыбками наблюдать интереснее, особенно когда им насыпают корм в маленькое плавучее колечко. Но Боря не сдаётся: в аквариуме стоит колесо, и ему интересно, когда черепаха в него залезет. Так пролетает время до обеда. После него ребята отправляются на тихий час.

Едва все просыпаются, начинается утренник. Во время утренника Боря с нетерпением ждёт Деда Мороза, но он всё никак не появляется. Возможно, потому что на улице светло, а чудеса днём не происходят.

Вот уже станцованы все танцы и спеты все песни, а Деда Мороза всё нет. Галина Викторовна и нянечки начинают убеждать ребят, что это потому что на ёлке не горят огоньки. Все должны хором сказать: «Раз-два-три, ёлочка, гори!» Боря знает, что огни не горят, потому что вилка от гирлянды не воткнута в розетку, но послушно включается в игру, и когда гирлянда загорается, в группу действительно заходит Дед Мороз. Некоторые ребята от неожиданности начинают плакать, но Боря не верит, что это настоящий Дед Мороз. Настоящий Дед Мороз вряд ли будет говорить голосом воспитательницы старшей группы Татьяны Васильевны.

Дед Мороз водит с ребятами хоровод, стучит посохом, грозя заморозить, а потом вспоминает, что ему нужно спешить на следующую ёлку. Ребята прощаются, разочарованные отсутствием подарков. Кажется, Дед Мороз ненастоящий...

Вдруг оказывается, что подарки лежат под ёлкой, накрытые белой тканью. Подарки самые настоящие: в бумажном пакете лежат конфеты, шоколадка, яблоко и мандаринка. Боря знает, что всё съесть нельзя, поэтому ест только мандаринку. Остальное он убирает в свой шкафчик с одеждой.

Гирлянда горит на ёлке, но волшебного чувства всё равно нет: на улице всё ещё светло. Но Боря и не ждёт чудес. Он ждёт, что черепаха залезет в колесо.

Утро

Утром следующего дня в садик идти не нужно: выходной. Боря просыпается, когда на улице уже светло. Он не будит папу. Сам натягивает колготки и тёплые штаны, потом валенки. Кофту поверх майки он надевает, когда снизу уже совсем готов. Такое правило ему внушает папа: сначала нужно надеть штаны и обувь, а остальное уже потом. Кофта, пальто, ремень. Шапку Боря натягивает, уже одевшись. Он уже носит только одну шапку, а раньше приходилось поддевать тонкую вязаную шапочку с козырьком.

Полностью экипировавшись, Боря натягивает варежки, свисающие из рукавов, и выходит из дома.

Чтобы выйти из дома, нужно сначала отодвинуть задвижку на двери в коридоре. Для этого Боря должен встать на высокую узенькую ступеньку. Он едва дотягивается до щеколды, но уже справляется. Дверь на себя, и теперь нужно со ступеньки соскочить. Когда дверь распахивается, можно войти в тамбур и открыть дверь на веранду. Её нужно толкать. Когда дверь на веранду открыта, нужно закрыть первую дверь. Для этого на ручку там привязана маленькая верёвочка, пояс от маминого халата. Боря тянет за верёвочку, и дверь захлопывается. Он выходит на веранду, где всегда холодно, и захлопывает вторую дверь.

Теперь нужно решить, санки взять или деревянную лопатку. Если окна затянуты морозными узорами, как сейчас, то снег не липкий, и из него ничего не построишь. Надо брать санки.

Будка

Как только Боря оказывается на улице, за забором начинается лаять Тобик, старый соседский пёс. Боря не боится Тобика, он много раз его гладил и знает, что эта собака не кусается.

– Тобик, фу! – говорит Боря, вытаскивая санки на крыльцо.

Тобик ещё пару раз негромко гавкает и прячется в свою тёплую будку. Боря это не видит, он спускается по заметённым ступенькам во двор, но думает о Тобике, как ему живётся в будке. И вдруг вспоминает про будку в их собственном дворе, ту самую, в которой мама хранит чемодан с книгами, тетрадками и фотографиями космонавтов.

Боря бросает санки и смотрит в сторону будки. Просто так до неё не добраться – весь двор занесён снегом, только к калитке и сараю ведут узкие дорожки, да к садику через забор натоптали тропинку. Боря возвращается на веранду и берёт лопатку.

Он ожесточённо копает снег в сторону будки, потом устаёт и начинает ползти по сугробу. Когда он доползает, становится понятно, что без лопатки внутрь не попасть. Он возвращается за лопатой, снова ползёт к будке, кое-как прокапывает дыру в толще снега и с трудом втискивается внутрь.

В будке сумрачно и холодно. Боря сидит на деревянном заснеженном полу и смотрит туда, где раньше стоял чемодан.

– Ты что там делаешь? – доносится снаружи папин голос.

– Чемодан ищу, – отвечает Боря.

– Какой чемодан?

– Мамин. С космонавтами.

– Нашёл?

– Нет.

– Вылезай.

Боря вылезает из сугроба, папа вытаскивает его из дыры и тащит домой. Только дома Боря понимает, что замёрз.

– Что за чемодан? Какие космонавты? – спрашивает папа.

Боря рассказывает об открытках, а заодно о маминих тренировках, о книгах и тетрадках. Папа сердится и говорит, что этого никогда не было. А потом вдруг говорит, что для Бори есть подарок.

Через минуту он приносит ему новенькую книжку, большую, блестящую, зелёного цвета. На обложке пушка с большими колёсами, из дула которой торчат ноги в старинных сапогах. Боря уже смотрел мультики про барона Мюнхгаузена и понимает, про что эта книжка. Он радостно кричит:

– Мюнхаузен! – и начинает смотреть картинки ещё до того, как окончательно освобождается от штанов, кофты и колготок.

Толстой

Сегодня Новый год. В большой комнате между печью и шкафом накрывают раздвижной стол. Папа ещё на работе, так что еду расставляют Лёша, Люда и бабушка. Боря играет с Сашей и Пашей.

Саша и Паша уже давно умеют сами вставать на ножки, но ходят пока только вдоль дивана или кровати. Хоть они и ляльки, но Борю узнают и радуются его появлению.

Сейчас Саша с Пашей внимательно смотрят, как Боря крутит пальцем по своей ладошке и говорит:

– Сорока белобока, где была далёко, кашу варила, деток кормила, этому дала, этому дала, этому дала, этому дала... – Боря по очереди загибает пальцы от мизинца до указательного, а потом грозит большому пальцу: – А ты, толстой, у ворот постой, мало-мало постоял и ещё постой.

Малыши повторяют за Борей. У Паши уже почти получается, а у Саши средний и указательный пальцы всё время норовят разогнуться. Боря помогает ему держать пальчики. Все довольны собой и друг другом.

Единственное, чего Боря не понимает, почему «толстому» не дают поест, если он маленько постоял у ворот. Борю тоже дразнят за его полноту. Но он не жалуется. Жаловаться некрасиво.

Желание

Сначала засыпают Саша и Паша. После вечерней сказки начинает засыпать и сам Боря. Его уносят в Лёшину комнату (они спят в одной постели). Здесь, как и дома, есть волшебное чувство: светится зелёным включённая радиола с отключенным звуком, мерцают фосфором стрелки будильника. Если на улице проезжает машина, по всей комнате пробегает таинственное светлое пятно. Боря засыпает.

Просыпается он тогда, когда рядом ложится Лёша.

– Уже можно желание загадывать? – спрашивает Боря.

– Можно, – разрешает Лёша. – Только никому нельзя говорить, иначе не сбудется.

Боря изо всех сил зажмуривается и загадывает.

Некоторое время они лежат в полной тишине, потом Лёша говорит:

– С Новым годом.

– С Новым годом, – серьёзно отвечает Боря.

Три года

Проходит три года. В этот период вмещаются олимпиада в Москве и покушение на папу римского, Фолклендская война, Продовольственная программа и смерть Леонида Ильича Брежнева, «Миллион алых роз», ракеты «Першинг» в Европе и визит в Советский Союз американской школьницы Саманты Смит.

Лёша уходит в армию и возвращается. У бабушки внезапно появляется дедушка Женя, а потом так же внезапно исчезает. Лёша женится на Марине. Люда уезжает в Петропавловск-Камчатский, а через год возвращается с маленькой Лялей.

Боря уже в подготовительной группе, в январе ему исполнилось семь лет, у него есть друзья, с которыми он скоро пойдёт в первый класс. Он знает про Ленина, революцию, гражданскую войну, Великую Отечественную войну и Гитлера. Боря видит, как режут свинью и сворачивают голову курице. Папа на глазах Бори убивает старого Тобика из ружья.

В доме Воробьёвых часто бывает Инна. Она помогает по хозяйству: готовит, делает уборку, купает Сашу и Пашу, стирает и гладит. Папа платит ей за это деньги. Бабушка и Люда не любят Инну и постоянно напоминают Боре, что она ему не мама. Боря не понимает, почему он должен считать Инну мамой. Инна берёт его в поле и на ферму, подсаживает на черёмуху и смеётся, если Боря шутит. Инна – его лучший друг, и она всегда готова выделить ему несколько минут.

Но про маму Боря всё равно не забывает. Всякий раз, приезжая к бабушке, он достаёт из тумбочки портфель, в котором кучей свалены все фотографии «лубенниковской породы», как говорит бабушка, и смотрит на маму. На школьных фотографиях она всегда сердитая и стоит с краю.

Лето

В начале лета, после прощания с детским садом, Боря предоставлен самому себе. Боря представляет себя как совсем взрослого. Он умеет читать, писать, считать до ста, смотрит новости и образовательные передачи. Боря вообще очень самостоятельный:

отводит и забирает из детского сада братьев, ходит в магазин и в пекарню, в лес за грибами, в баню мыться. Инна может поручить ему даже унести документы в контору – Боря понимает серьёзность государственной службы и исполняет поручения точь-в-точь.

Уходя на работу, папа оставляет ему пятьдесят копеек. На эти деньги Боря ест в колхозной столовой вместе с механизаторами.

Он пробует курить, за что получает ремня. Он пробует пить, и тоже получает ремня. Вместе с другом Пашкой Смирновым он раздевает маленькую девочку, чтобы узнать, что скрывается под трусиками. Их ловит за этим занятием бабушка девочки.

Скандал на всю деревню. Во время разбирательства Боря и Пашка валят вину друг на друга. Их никто не слушает. Борю лупят крапивой, Борю лупят ремнём, Борю неделю не выпускают из угла, а потом пол-года он сам не показывается на улицу от стыда.

Стыд

Инна смотрит на Борю, как ему кажется, с жалостью и брезгливостью, и некоторое время живёт у Воробьёвых дома. В одну из августовских ночей Боря не выдерживает этих взглядов и бежит из дома. Дорога в город одна, заблудиться он не боится. Он успевает пройти пять километров, как его догоняет на мотоцикле Инна.

– Далеко собрался? – спрашивает она.

Боря с рёвом бросается прочь. Инна настигает его и прижимает к себе. Боря вырывается и продолжает блажить на весь лес. Инна разбирает сквозь истерическое бульканье «мамочка, я больше не буду, мама, вернись». Инна продолжает обнимать Борю, пока он не сдаётся, окончательно обессилив. Инна целует Борю в мокрые солёные глаза, велит садиться за спину и крепко держаться. Они возвращаются домой.

Через день после побега Инна отправляет Борю в магазин. С ним опять приключается истерика, но Инна очень просит, и Боря подчиняется. Он идёт в сельпо и ему кажется, что все показывают на него пальцами.

В магазине очередь. Боря топчется на пороге, не решаясь зайти, но в это время воспитательница из подготовительной группы Александра Георгиевна, подойдя сзади, говорит:

– Ты последний?

Боре не остаётся ничего другого, как согласиться и войти внутрь. В магазине на него не обращают никакого внимания. У прилавка он просит пол-литровую банку сметаны и сигареты. Продащица тётя Рая берёт из рук Бори банку, снимает тугую крышку, достаёт оттуда рубль, наливает в банку жидкую, как кефир, сметану, закрывает банку, вытирает её влажной тряпкой, кладёт рядом пачку «Астры» и сдачу. Боря суетливо запикивает покупки в сумку, забирает сдачу и бежит домой.

По дороге он думает, что Инна как-то заставила всю деревню его простить. Но засыпая, он всё время вспоминает, как его стегают крапивой и как смотрит на него Инна. И понимает, что его никогда не простят.

Он первый и не простит.

Первое сентября

У Бори большой лаковый портфель зелёного цвета, к которому цепляются чёрные лаковые же ремни, чтобы можно было носить как ранец. Синяя форма с алюминиевыми пуговицами на пиджаке и пластмассовыми, на четыре дырочки – на штанах. Рубашка – белая, ботинки коричневые. Букет из астр, георгинов и гладиолусов Инна нарезает рано утром, перед тем как уехать на работу.

Инна уже не трактористка, она – механик в гараже СХТ, что расшифровывается как сельскохозяйственная техника. Она продолжает гонять на мотоцикле, учится в институте,

и Боря слышал, как кто-то говорил, будто Инка директором стать хочет. Боре кажется, что Инна будет хорошим директором.

Боря отводит Сашу и Пашу в садик, помогает им переодеться. Нянечка Надежда Ильинична и воспитательница Тамара Ивановна поздравляют его с первым сентября, Боря благодарит и быстрее бежит домой за портфелем и букетом.

Школа стоит почти на самом краю Шишей. Чтобы туда попасть, нужно пройти мимо двух детских садов – один для младшей и старшей групп, второй – для подготовительной. Потом сарай, сельпо, памятник героям гражданской войны, сельский клуб, ясли, и сразу за ними – школа.

Это большое одноэтажное кирпичное здание, похожее на букву П. Вход в школу украшает транспарант «Добро пожаловать!» Здесь уже полно народу, но взрослых немного – сегодня четверг, все работают. Есть несколько мам, у которых смена начинается с двенадцати, бабушек, но большая часть ребят пришли одни.

– Первый бэ! – громко объявляет женщина в строгом костюме. – Стройся!

Боря сперва её не узнаёт, а потом понимает, что это – мама Генки Уварова, Зоя Михайловна. Она будет их учительницей.

У Зои Михайловны короткая стрижка, улыбчивое лицо, немного хриплый низкий красивый голос, и очки, которые на солнце становятся тёмными, а в помещении – прозрачными. Она очень бережёт эти очки и надевает только по торжественным дням.

В первом «б» будут учиться почти все ребята из Бориной группы в детском саду. Они послушно строятся парами. Боря рядом с Генкой. С Пашкой Смирновым они после того случая боятся даже глазами встречаться.

Зоя Михайловна ведёт свой класс на линейку. Линейка проходит на улице, между выступающими крыльями здания. Игрет песня «Учат в школе», все классы выстраиваются по старшинству – от десятого до двух первых. Когда песня стихает, из группы учителей выходит директор, Дмитрий Сергеевич Доможирский. Это высокий мужчина, похожий на Якова Свердлова из кино – в кожаном чёрном пиджаке, с длинными чёрными волосами, зачёсанными назад, в узких прямоугольных очках, и весь какой-то совсем недеревенский. Он здоровается со всеми, поздравляет с началом учебного года, выражает надежду, что в этом году, как и в прошлом, шишовская школа покажет высокий уровень подготовки как в учёбе, так и в военно-спортивных мероприятиях, потому что на нас смотрит партия и правительство. При этих словах Боря незаметно поднимает глаза в пасмурное небо. Он знает, что есть специальные спутники, которые фотографируют то, что происходит на земле. Интересно, а в помещениях как партия и правительство смотрят?

После директора выступают первоклашки. Ксюша Аистова и Генка Уваров громко читают стихи с выпускного утренника. Все аплодируют. Десятиклассник Прихватов Александр, отличник и спортсмен, усаживает Ксюшу себе на плечо, и она радостно звенит большим медным колокольчиком. Под песню «Дважды два – четыре» первый «А» и первый «Б» уходят с линейки в свои классы на свой первый урок – урок мира.

Класс

Сначала Зоя Михайловна показывает раздевалку, расположенную у входа, и вешалки для первых классов. Обогнув раздевалку, бэшки сворачивают направо и попадают из правого крыла в центральную часть школы. Слева – кабинет директора. Тут стена выложена разноцветными стеклянными блоками. Направо – уходящая почти за горизонт перспектива коридора со множеством белых дверей вдоль салатово-зелёной стены. Дверь с надписью «1Б» – вторая после кабинета директора.

Зоя Михайловна отпирает дверь и впускает всех внутрь.

Боря смотрел много фильмов про школу, и он ожидает, что сейчас увидит парты с откидывающимися крышками, чучело совы на учительском столе, огромный глобус в

углу, аквариум или клетку с попугаем на подоконнике... Но ничего этого нет. Класс – это просто большое помещение, как и группа в детском саду, и парты – это простые столы, за которыми не скамьи, а стулья. И шкафы в классе скучные, и пол, и потолок, и дверь... Но главное разочарование Бори – доска. Она не чёрная, а коричневая.

Урок мира

Ребята заваливают Зою Михайловну цветами. Цветов так много, что двух ваз не хватает. В углу стоит большое оцинкованное ведро. Именно туда Зоя Михайловна заботливо и даже нежно ставит все букеты – астры, гладиолусы, георгины, флоксы, садовые ромашки... Теперь нужно добавить цветам воды.

– Боря, – обращается Зоя Михайловна к Боре. – Сейчас выйдешь из класса, и направо по коридору до конца, потом снова направо, там в конце коридора туалет. В туалете раковина, под раковиной – ведро. Набери в него воды, примерно столько, – Зоя Михайловна показывает пальцами, сколько. Примерно два спичечных коробка.

Боря выбегает за дверь и во весь опор мчится исполнять поручение. Вернее, ему хочется, чтобы это выглядело, будто он мчится, но Боря знает, что он пухлый, и потому бежит смешно. Уже на середине коридора ему не хватает воздуха, и он переходит на шаг.

На стенах между классами висят стенгазеты, наглядная агитация по гражданской обороне, газета «Пионерская правда» под стеклом, рядом – фотография американской девочки Саманты Смит в пионерской форме. Боре нравится Саманта Смит. Он хочет написать ей письмо.

Но думать о письме пока некогда. Боря идёт дальше. Коридор сворачивает налево. В левом крыле стоит сумрак, а в конце его виден прямоугольник двери. Это туалет. Пахнет свежей краской и хлоркой.

Боря заходит в туалет. Тут всё выкрашено рыже-коричневой половой краской, не только пол, но и бетонные перегородки между кабинками, и даже стены (правда, не до потолка, а только до середины). Окно в туалете распахнуто настежь, за ним видны желтеющие липы и совсем жёлтые акации.

Под металлической раковиной стоит старое оцинкованное ведро. Оно не очень большое, такое, чтобы свободно помещаться между раковиной и латунным носиком крана с керамическим барашком. Боря ставит ведро в раковину и открывает кран. Вода начинает бить в дно широким веером.

В это время в окно туалета по очереди влезает трое старших ребят, по внешнему виду – настоящая шпана: мятые нестиранные штаны, несвежие рубашки, грязные нечёсанные волосы. Это удивительно, потому что сегодня же праздник, как можно прийти в школу в таком виде? Боря не знает этих троих, хотя несколько раз видел издали.

Трое, ругаясь самыми грязными словами, отряхиваются и замечают Борю.

– О, Киря, гляди – мильтонский сын, – говорит один из них, в клетчатой рубашке. У него очень белые волосы, причём брови и ресницы тоже. Он достаёт из кармана окурки сигареты и суёт себе в рот. – Серый, дай чиркало.

Серый, у которого даже не школьные брюки, а коричневые, под цвет стен, трико с пузырями на коленях, выцветшая синяя рубашка с закатанными рукавами, загорелый, с выцветшими кончиками волос, достаёт из нагрудного кармана спички.

В это время рыжий Киря, самый невысокий, и самый, наверное, прилично одетый – на нём школьный костюм, хотя и явно не новый, и даже белая рубашка, но с пятнами и грязным воротником, подходит к Боре и толкает.

– Чё, жирный, учиться пришёл? Ну-ка, скажи – «монгол татарских ханов».

Серый и белобрысый смеются. Не весело, а обидно и опасно. Боря забивается в угол, рядом с раковиной.

– Деньги на обеды принёс?

Деньги – один рубль восемьдесят копеек – лежат в нагрудном кармане школьного пиджака. Боря понимает, что сейчас у него их отнимут.

– Доставай.

Боря мотает головой. Киря оборачивается к белобрысому:

– Гильза, он не даёт.

Вместо Гильзы отвечает Серый:

– А я вот сейчас с него штаны спущу, как он с мешковской девки, и в окно выкину.

Боря сползает по стене под раковину. Там стоит грязный тощий веник, пластмассовая бутылка «Белизны» и совок из толстой жести. Боря хватает его обеими руками.

– Тащи его, ребзя, – говорит Серый, и все трое пытаются достать Борю.

Чувствуя, что сейчас с ним сделают то же самое плохое, что он сделал с маленькой девочкой Мешковой, Боря начинает молча лягаться, а когда это не помогает – замахивается совком. И тотчас попадает в глаз Гильзе.

– А! – кричит Гильза.

– Ты чё, псих?! – испуганно шепчет Киря. – Ты чё, псих?! Ты ему глаз выбил!

Серый вообще выпрыгивает в окно, как будто его здесь не было.

– А! – из-под правой руки Гильзы, которой он держится за глаз, обильно льётся кровь. Он сидит на корточках, раскачивается из стороны в сторону и не прекращает орать. Киря бежит по туалету, ругая Борю, и не знает, что предпринять. Боря выключает кран и выходит в коридор. Там он видит запыхавшегося Генку Уварова.

– Борька, ты утонул?

– Нет. Тут человек ранен.

У директора

Боря стоит у двери, голова вниз. Он пока ещё не в кабинете, а только в приёмной. У окна за столом сидит секретарша Ираида Романовна. Она не смотрит на Борю, а тюкает по клавишам огромной печатной машинки.

Дверь в директорский кабинет плотно закрыта, но время от времени оттуда доносится голос Кири. Боря слушает его со странным чувством: одновременно ему хочется спать, плакать и кричать.

Наконец дверь открывается. Выходит Киря, весь в слезах, злобно смотрит на Борю и садится на стул. Вслед за ним в приёмную выглядывает директор.

– Воробьёв Борис? – обращается он к Боре.

Боря кивает.

– Проходите.

Боря проходит в кабинет директора. Тут светло: горит люстра, свет отражается от двух побеленных стен, на большом окне только тюлевая занавеска, а вот стены из стеклянных блоков почти не видно, потому что вдоль неё стоит большой шкаф со множеством дверок. Зоя Михайловна сидит у окна в кресле.

Директор показывает Боре на стул рядом с Зоей Михайловной. Боря покорно садится.

– Итак, Борис, вы, наверное, понимаете, почему здесь находитесь, – говорит директор. – Почему вы это сделали?

– Я защищался, – тихо отвечает Боря.

– Говори громче, – говорит Зоя Михайловна.

– Я защищался, – повторяет Боря во весь голос.

– Железным совком? – удивляется директор. – Вы же могли убить его.

– Я хотел, чтобы они отстали, – говорит Боря. – Они первые начали.

– А вот Кирилл Сёмин говорит, что вы первый начали.

Что возразить на это, Боря не знает.

– Давайте по порядку: что вы делали в туалете?

Боря рассказывает всё, вплоть до момента как за ним прибежал Генка. Директор и Зоя Михайловна слушают, не перебивая. Когда Боря заканчивает, директор складывает свои длинные тонкие пальцы в замок.

– А по-другому никак нельзя было? – спрашивает он. – Закричать, на помощь позвать...

– Дмитрий Сергеевич, все же на улице были, – говорит Зоя Михайловна. – А он один против троих...

– Сёмин про третьего ничего не говорил. Как его звали?

– Серый, – отвечает Боря.

– Наверное, это Иванов Сергей, – объясняет Зоя Михайловна, – одноклассник Гилёва, они всё время вместе...

– Да знаю я их всех, Зоя Михайловна, вот они у меня все, – Дмитрий Сергеевич с едва заметным раздражением стучит пальцем по стопке бумажных папок на столе, – и Сёмин здесь, и Гилёв, и Иванов, и Данилин, и Щетилин, которого все Селёдкой зовут. Делать-то мне что? Пострадавший-то в результате не Борис Воробьёв, который у нас и дня ещё не проучился, а Гилёв! А Борис с самого первого дня у нас отличается поступком, который трудно назвать достижением!

Зоя Михайловна хочет что-то ответить, но в это время в приёмной слышится возмущённый голос секретарши, и в кабинет директора с криком «Где он?» врывается Инна. Следом за ней вбегает Ираида Романовна.

– Здравствуйте, – говорит Инна, увидев Борю.

– Здравствуйте, – невозмутимо отвечает директор. – Вы по какому вопросу?

– Я пришла забрать этого хулигана, – говорит Инна и кивает на Борю.

– Вот как... – говорит директор. – А вы кто?

– Трошкова я, Инна Павловна. Я ему вроде няни.

– Инна Павловна... – начинает директор, но в это время вмешивается Зоя Михайловна.

– Дмитрий Сергеевич, пусть Инна забирает Борю, он нам всё равно уже не нужен, правда?

Директор обменивается с Зоей Михайловной взглядами – и кивает.

– Да, мы вас больше не задерживаем.

Домой

Не давая забрать портфель из класса, Инна тащит Борю за собой. Она так сильно сжимает ему руку, что Боря невольно начинает вырываться.

– Мне больно, – говорит он.

– Тебе больно? – задыхается от возмущения Инна. – А Славке Гилёву не больно? Он без глаза остаться может! Ты почему башкой-то своей не думаешь ничего?! Как я его матери-то в глаза теперь смотреть буду?

Боря понимает, что усложняет жизнь Инне. Он не хочет, чтобы ей было плохо. Он вообще никому не хочет делать плохо. Боря не знает, как сказать об этом. Поэтому он вкладывает свою ладонь в ладонь Инны, и помогает сжать посильнее. Они идут уже не так быстро.

Когда до дома уже рукой подать, Инна отпускает Борю одного – ей нужно работать. Боря желает ей плодотворно потрудиться. Инна смеётся и уходит.

Подпол

На часах нет ещё даже одиннадцати часов. Боря снимает школьную форму, надевает домашние штаны и футболку. Всё это время он думает о том, что произошло в

школьном туалете. Вспоминает девочку Мешкову, у которой он до сих пор даже имени не знает. Вспоминает кровь, стекающую по лицу Гильзы. Борю вновь накрывает с головой чувство стыда. Ему кажется, что все смотрят на него с улицы. Боря задёргивает шторы во всех комнатах, закрывает двери, но этого кажется мало.

Взгляд его падает на люк в полу рядом с батареей. В доме два подпола: один – под кухней, там хранится картошка, банки с вареньем, хреновой закуской и солёными огурцами, а второй – в большой комнате, рядом с телевизором, но там ничего не хранится, там трубы отопления. Когда они только переехали, Боря нечаянно туда упал, когда люк был открыт. С тех пор, вот уже почти четыре года, Боря очень неуютно чувствует себя рядом с этой крышкой, и старается не подходить сюда без надобности. Но сейчас именно этот люк кажется ему самым надёжным укрытием ото всех.

Боря достаёт ножницы и поддевает ими край люка. Едва крышка подаётся настолько, что её можно поднять руками, Боря сдвигает её в сторону и смотрит вниз. Он видит неглубокий, с папу ростом, колодец, в котором торчат из земли влажноватые трубы с вентилями и без. Боря упирается руками в пол и аккуратно вползает внутрь.

Между колодцем, который криво выложен красным кирпичом, и полом есть пространство. Саша и Паша, наверное, могли бы встать там в полный рост, а у Бори получается передвигаться только на четвереньках. Он ползёт под лагами пола всё дальше и дальше от люка, в темноту, пока не наткнется на какую-то коробку.

Боря ждёт, пока глаза привыкнут, но источник света слишком далеко, и разглядеть, что это за коробка, не получается. Любопытство берёт верх над стыдом, и Боря начинает тащить коробку туда, откуда только что приполз.

Чемодан

Коробка тяжёлая, на ощупь гладкая, но вся в мелких неровностях, будто из кожи. И уже на грани видимости Боря понимает, что это чемодан, и даже различает чёрную пластмассовую ручку.

Он подтаскивает чемодан почти к краю колодца, щёлкает замочками и открывает его, понимая, что сейчас увидит внутри.

В чемодане лежат книги. «Теоретическая механика», «Сопrotивление материалов», «Программирование и ЭВМ», «Задачи по физике и методы их решения», «Прикладная физическая оптика», «Основы кибернетики», «Электрорадиоизмерения», «Слесарное дело», «Электротехника», «Механика космического полета», «Курс электронavigационных приборов». Куча толстых тетрадей в дерматиновых обложках, исписанных от корки до корки аккуратным мелким почерком. Набор открыток «Космонавты мира». Ручной эспандер. Логарифмическая линейка.

Боря сидит над раскрытым чемоданом в подполе, смотрит на корешки книг и гладит тетрадки. За этим занятием его и застаёт Инна.

– Боря, ты что здесь делаешь? Что это у тебя? Как ты вообще умудрился...

Боря смотрит из подполья на Инну и говорит:

– Мама умерла.

Боря берёт себя в руки

Инна вытаскивает Борю и чемодан. Она отпаивает Борю чаем с вареньем и укладывает спать. Боря просыпается, только когда Саша и Паша шумно спорят, чья очередь кататься на велосипеде, том самом, на котором маленький Боря съезжал по лестнице. Это вызывает у Бори новую волну слёз. Вслед за братом голосить начинают Саша и Паша. Инна стоит посреди комнаты, не зная, к кому бежать. Но рёв близнецов неожиданно приводит Борю в себя. Он соскакивает с дивана и начинает обнимать братьев

и говорить, что всё хорошо. Инна опускается на колени и обнимает всех троих. По её лицу тоже катятся слёзы.

Постепенно все успокаиваются. Саша с Пашей вновь начинают делить велосипед. Боря велит Паше ехать от двери до окна, а Саше – от окна до двери. Близнецов это устраивает. Инна садится рядом с Борей на диван.

– Ты мне расскажешь? – спрашивает она.

Боря начинает с того, что чемодан раньше стоял в собачьей будке, а потом исчез.

Ссора

Папа возвращается ещё до того, как Инна уходит. Она рассказывает ему всё, что произошло – и происшествие в школе, и про чемодан в подполе. Папа воспринимает всё на удивление хладнокровно.

– Ты собираешься что-то делать? – спрашивает Инна.

Они с папой давно говорят друг другу «ты».

– Зачем? – отвечает папа.

– Ему прохода в школе не дадут. Ты, в конце концов, участковый, разберись как власть, если как отец не хочешь!

– Меня переводят, – говорит папа. – В Лопаево.

– Как? – слегка теряется Инна. – Когда?

– Приказ уже готов, на следующей неделе можно переезжать.

Неожиданно папа берёт Инну за руку и притягивает к себе:

– Поехали с нами, – говорит он и пытается поцеловать Инну.

Инна отпихивает папу:

– Ты дурак, что ли?! – громким шёпотом говорит она. – Да ещё и при ребёнке...

Папа сердито смотрит на Борю:

– Выйди отсюда, здесь взрослые говорят, – говорит он.

– Нет, – говорит Инна. – Боря, проводи меня до калитки.

Боря быстро впрыгивает в чоботы, как называет бабушка резиновые сапоги с обрезанными голенищами.

– Инна, ну ладно тебе, – смягчается папа. – И так уже вся деревня думает...

– Вот мне вообще всё равно, что там вся деревня думает, – отвечает Инна, обуваясь. – А ты, небось, и рад, что слухи, да?

– А ты думаешь, механиком стала, потому что умная такая, что ли? – усмехается папа.

Инна резко выпрямляется. Боря чувствует, что от неё сейчас искры полетят.

– Вот что... Виктор Николаевич... неделю за ребятами я, так и быть, приглашу, но только когда вас дома не будет, ясно? Бельём занимайтесь сами. Борис, идём.

У калитки

На улице пока ещё по-летнему тепло, и невидимое уже солнце всё ещё подсвечивает тучи малиново-розовым, отчего небо похоже на пенку от варенья.

– Боря, я могу с тобой как со взрослым человеком поговорить? – спрашивает Инна.

Боря кивает.

– Боря, твоя мама не умерла. Я не знаю, где она, но она точно не умерла.

– Но папа говорил...

– Что?! – вспыхнула Инна. – Что он сказал?

– Что она умерла.

– Вот ведь... Вот ведь... – кажется, будто Инна что-то потеряла и не может в сумерках отыскать. – Боря, когда люди умирают – их хоронят. Или хотя бы выдают бумагу, что человек умер, если хоронить нечего. Я точно знаю, что такой бумаги твоему

папе никто не давал. А пока такой бумаги нет – верь, что мама живая. Просто заболела, или уехала куда-то далеко...

– В Америку? – спрашивает Боря.

– Почему в Америку? – удивляется Инна.

Боря рассказывает, что видел маму по телевизору. Инна смотрит на Борю со странным выражением лица: не то с испугом, не то с восхищением.

– И ты помнишь всё это?

– Помню... Инна, а можно я буду тебе письма писать?

Инна наклоняется к Боре и целует его в глаза:

– Только попробуй не писать, – говорит она. – Только попробуй.

Инна выходит на улицу и запирает за собой калитку. Боря машет ей вслед.

Утро

Утром Боря встаёт по звонку будильника, будит Сашу и Пашу, одевает их, одевается сам, провожает братьев в садик и отправляется в школу. По пути ему встречается Пашка Смирнов. Он, видимо, специально ждёт Борю.

– Гильзу в больницу увезли, – говорит он. – У него глаз вытек.

Известие это почти не трогает Борю. И он говорит, что скоро уедет.

– Куда? – расстраивается Пашка. – Когда?

– На следующей неделе, – отвечает Боря. – В Лопахино, кажется. Или Лопатино. Это рядом с городом.

– И что теперь? Всё?

– Наверное, всё, – пожимает плечами Боря.

– Ну и едь в своё Лопатино, – обиженно говорит Пашка. – Козёл твоя фамилия.

И убегает.

Боря не обижается. Он думает о вчерашнем разговоре с Инной. В голове Бори складывается план, как найти маму. Боре кажется, что это очень хороший план.

Он идёт и не обращает внимания, что все смотрят в его сторону.

Первый урок

Боря приходит в класс одним из самых первых. Его портфель ждёт его там, где он его вчера оставил – на первой парте.

– Здравствуйте, – говорит он Зое Михайловне.

– Здравствуй, – говорит она так, будто ничего вчера и не произошло.

– А куда можно сесть?

– Пока садись там, где хочешь, потом я вас пересажу.

Боря садится за первую парту и сидит там неподвижно до тех пор, пока не звенит звонок.

Звонок – тоже разочарование. Это пронзительное дребезжание магазинной сигнализации, а не звонок. В представлении Бори звонок – это вчерашнее торжественное шествие отличника Прихватова Александра с Ксюшей Аистой на руках, и чтобы Ксюша держала в руках тяжёлый медный колокольчик с красивым глубоким звуком.

– Садитесь, – говорит Зоя Михайловна, едва ребята вытянулись рядом со своими партами. Когда все рассаживаются, она продолжает:

– Наверное, все вы знаете, что вчера у нас случилось чепэ. Чрезвычайное происшествие. Из-за этого нам пришлось изменить порядок дня. Однако традиции нарушать нельзя, поэтому я попросила у директора разрешения вместо урока чтения провести урок мира сегодня. Все согласны?

Согласны все. И Зоя Михайловна рассказывает о ядерной войне, о том, что существуют такие бомбы, которые убивают только живое, а все строения оставляют целыми, что враги Советского Союза только об этом и мечтают.

Рассказ Зои Михайловны настолько красочный, что Ксюша Аистова и Наташа Журавлёва начинают плакать. Зоя Михайловна тут же говорит, что не все иностранцы плохие, и что даже в Америке есть борцы за мир, например – Саманта Смит.

Это немного успокаивает девочек, и в этот момент Боря поднимает руку:

– Что такое, Боря? – спрашивает Зоя Михайловна.

Боря по фильмам знает, что с места отвечать нельзя, поэтому он встаёт и говорит:

– А давайте напишем письмо Саманте Смит!

В классе начинается смех, но Зоя Михайловна серьёзна.

– Это хорошее предложение, – говорит она. – Но, чтобы написать письмо, нам нужно сначала выучить буквы, а потом научиться писать без ошибок. А в конце учебного года, перед каникулами, мы с вами сядем, и каждый напишет несколько строк. Договорились? Вот и хорошо. Садись, Боря, молодец!

Боря садится на место абсолютно несчастным. Он не может ждать конца учебного года. Может, к этому времени Саманта Смит забудет поездку в Советский Союз и не будет читать письмо от первоклассников шишовской средней школы. А может наоборот – все советские школьники завалят её письмами, и несколько Бориных строк потеряются в этой лавине дружеских посланий.

В коридоре дребезжит звонок на перемену.

Прощание

Проходит неделя. В назначенный день папины друзья из шишовского пожарного отделения помогают загрузить в грузовик вещи. Боря хочет забрать чемодан с маминими книгами, но папа против. По счастью, Лёша, который приехал помочь с переездом, обещает забрать чемодан к бабушке.

Боре хочется, чтобы шёл дождь, или происходило хоть что-нибудь, чтобы люди могли запомнить день, когда он уехал из Шишей насовсем. Но, хоть небо и серое, дождя нет. Боря понимает, что если кому-то и грустно сейчас от того, что он уезжает, то это Инна, которая сейчас на работе. Он уедет, а здесь ничего не изменится. Даже когда Леонид Ильич Брежнев умер, ничего не изменилось, а Боря вообще какой-то деревенский мальчик, и никто не заметит, что его нет...

– Ты что – плачешь? – спрашивает Борю Пашка Смирнов.

Боря оборачивается. У дома стоят все ребята из его класса. Предательские слёзы льются уже не переставая. Его хлопают по плечам, успокаивают, девочки суют в карманы карамельки. Все обещают ему писать.

– Боря, закругляйся, – говорит папа.

Боря помогает залезть в красную пожарную «буханку» Паше, и сам залезает в салон. Папа садит к нему Сашу и захлопывает дверь. «Буханка» прогазовывает пару раз, сигналист, чтобы школьники отошли на безопасное расстояние. Ребята машут руками Боре. Боря машет ребятам. Ему кажется, что он умирает.

«Буханка» вырывается на главную дорогу, и водитель поддаёт газу. Боря смотрит сквозь пелену слёз, как мимо проезжают селпо, памятник, клуб, школа, пекарня. Шиши заканчиваются, начинается лес. Небо расчищается, показывается солнце. Боря оборачивается и смотрит, как деревня скрывается за пригорком.

Папа беззаботно болтает с водителем дядей Колей. Смеётся папа очень заразительно. Саша и Паша не понимают его шуток, но сразу заливаются со смеху. Боря не хочет смеяться. Он закусывает губы, щиплет руку, смотрит в пол и пытается вспомнить всё самое горькое и обидное в своей жизни, но отчего-то ничего не приходит на ум. Боря пытается думать о маме: вдруг она вернётся, а дома уже никто не живёт? Но всё равно

устоять перед смехом папы и братьев невероятно сложно. Губы сами по себе растягиваются в улыбку, и глаза предательски сохнут.

Новый дом

«Буханка» въезжает в город и поначалу едет как автобус «восьмёрка», но там, где автобус сворачивает налево, дядя Коля продолжает ехать прямо, и через пять километровых отметок появляется табличка «Лопаево». В глаза сразу бросаются несколько пятиэтажных домов, совсем как в городе. Дядя Коля подъезжает к одному из них.

– Вытряхиваемся, – говорит папа.

Боря с Сашей и Пашей «вытряхиваются» из машины.

В доме четыре подъезда, у каждого по две деревянных лавочки. На них, правда, никто не сидит. Между подъездами клумбы, засаженные астрами и флоксами.

– Пятый этаж, дверь направо, – говорит папа и даёт Боре ключ.

Прежде чем войти в подъезд, Боря с братьями стоят, задрав головы. Им не верится, что они будут жить так высоко.

В это время подъезжает грузовик с вещами.

– Боря, не тяни резину, – говорит папа.

Боря хватается за руки, и они заходят в дом.

Подъём

В подъезде пахнет больницей. На первый этаж ведут шесть ступенек. Три двери на первом этаже слегка приоткрыты. На одной из дверей написано: «Лопаевский фельдшерско-акушерский пункт. Амбулатория».

– Боря, это больница? – спрашивает Паша тревожно. Он не любит больницу из-за прививок.

– Медпункт, – отвечает Боря. – Как в Шишах.

– Мы туда не пойдём?

– Нет.

– А куда мы идём?

– Домой. Мы переехали.

– В больницу? – испуганно спрашивает Саша.

– Нет. Сейчас увидите. Давайте считать.

В одном лестничном пролёте – десять ступенек. До второго этажа – двадцать ступеней. До третьего – сорок. Считает Боря, а братья повторяют.

На четвёртом этаже им встречается женщина в плаще, очках и шляпе, немного похожая на певицу Аллу Пугачёву.

– Здравствуйте, – говорит Боря. Саша и Паша тоже здороваются.

– Здравствуйте, – серьёзно отвечает женщина. – Столько серьёзных мужчин на одной ступеньке!

– Мы домой идём, – говорит Паша и шмыгает носом.

– А где же вы живёте?

– Мы только что приехали, – отвечает Боря.

– В пятнадцатую квартиру?

– Папа сказал: дверь направо.

– Ну, добро пожаловать, – говорит женщина и делает шаг в сторону, чтобы мальчики могли пройти.

– Спасибо.

Саша с Пашей тоже повторяют «спасибо», и ребята продолжают подъём.

До пятого этажа, если учитывать короткий пролёт в самом низу, восемьдесят шесть ступеней.

Квартира 15

Дверь с цифрой 15 выкрашена бежевой краской, на уровне ног вся в чёрных полосках. Из-за соседней двери слышится лай какой-то небольшой собачки. Боря ставит братьев подальше от края лестницы, достаёт из кармана оловянный ключ на две бородки и вставляет в замочную скважину. Ключ мягко проворачивается два раза против часовой стрелки, и дверь открывается.

– Заходим, – говорит Боря. Саша и Паша, взявшись за руки, заходят в квартиру вслед за братом.

Коридор в квартире значительно меньше, чем в доме в Шишах. Слева – дверь в комнату, прямо – дверь в другую комнату, большую, направо коридор немного продолжается и заканчивается кухней, раза в два меньшей, чем в старом доме.

Но зато есть ванная! Зато есть туалет с настоящим унитазом и сливным бачком! Боря немедленно тянется к свисающей на цепочке керамической гирьке и тянет её вниз. Послушная его воле вода с шумом сливается в унитаз.

– Ура! – кричит Боря.

– Ура! – немедленно подхватывают Саша с Пашей.

Боря идёт в ванную и крутит пластмассовый барашек с красной нашлапкой в центре. Из крана течёт горячая вода!

– Ура! – снова кричит Боря.

– Ура! – вторят ему братья.

Вечер

Быстро темнеет, но ещё до того, как на улице загораются фонари, все вещи уже в квартире. Папины друзья уезжают, Лёша остаётся ночевать.

Папа вдруг оказывается совершенно пьяным. Лёша кое-как уговаривает его лечь спать, и папа валится в свою кровать, даже не раздевшись. Лёша быстро сооружает на кухне «мечту бегемота» – отваривает макароны, пережаривает кубиками колбасу, добавляет немного лука. Это любимое блюдо братьев Воробьёвых.

Сашу с Пашей укладывают спать. Боря помогает мыть посуду. Это приятное занятие, когда из крана бежит тёплая вода.

Когда посуда вымыта, а кухонный стол протёрт, Боря с Лёшей ложатся на матрас в большой комнате. Лёша выключает свет.

Боря хочет спать, но папин храп в соседней комнате мешает. Боря слушает это чудовищное рычание, а потом говорит:

– Лёша, ты спишь?

– Не сплю.

– А мама хотела в космос полететь?

Лёша отвечает не сразу. Боря даже думает, что Лёша внезапно заснул, но он внезапно начинает отвечать, тихо-тихо, будто признаётся в чём-то стыдном:

– Да. Мы её долго отговаривали, но она ни в какую не поддавалась. Даже уже поехала в Саратов, документы в лётное училище подавать.

– А почему не в космическое?

– Потому что нет космических училищ. Все космонавты сначала учатся на самолётах летать.

– А потом что?

– Ну, документы-то она подала, и даже в общагу заселилась. Только она в Саратове с Витькой познакомилась... с папой твоим. Ну и, в общем, влюбилась, дура, и провалила все экзамены. Зато замуж вышла. А потом ты родился...

Боря ждёт, что Лёша ещё что-нибудь скажет, но он молчит. Тогда Боря снова спрашивает:

– Значит, она из-за меня космонавткой не стала?

На этот раз Лёша отвечает сразу:

– Нет, не из-за тебя. Даже не думай. Это из-за нас всё.

– Из-за кого – нас?

– Из-за меня, бабушки, Люды. Никто не верил, что Катька сможет куда-то полететь.

– Почему?

– Да у неё зрение плохое всегда было, близорукость. Вот мама, бабушка твоя, и говорила: куда тебе в лётчики, чем тебе на почте плохо?

– И Люда?

– А Людка не хотела, чтобы Катя уезжала, они же вдвоём самые лучшие подруги были.

– А ты?

Лёша замолкает ненадолго, а потом говорит:

– А я боялся, что она не поступит и надо мной все смеяться будут. Мы все этого боялись. Мама чуть не умоляла: Катя, не говори никому, куда поступать едешь, не позорься и нас не позорь.

Лёшу будто прорывает. Он говорит, говорит, а Боря слушает, слушает...

И засыпает.

Лопачево

Утром папа уходит на работу ещё до того, как Боря успевает проснуться. Будит его звонок в дверь – это из города приходят пешком бабушка, Люда с маленькой Лялей, и даже Марина, жена Лёши. Сразу затевается уборка, расстановка мебели, развешивание штор и готовка еды.

Чтобы Саша и Паша не путались под ногами, Люда велит Боре вывести их на прогулку, а заодно найти, где школа, детский сад и магазин. Боря помогает собраться братьям, одевается сам, и они выходят на улицу.

Сразу перед подъездом растёт небольшой сосняк, за которым видна ещё одна пятиэтажка, но не из бетонных панелей, как та, в которую переехал Боря, а из белого кирпича. Рядом с ней блестит стёклами котельная с огромной кирпичной трубой, над которой вьётся полупрозрачный белый дымок. На улице почти никого нет – ребята, видимо, в школе, а взрослые – на работе.

Светит солнце. Боря разрешает Саше и Паше идти куда глаза глядят. За два часа прогулки их глаза находят двухэтажный магазин с таинственной надписью СТЭЦ, выложенной красным кирпичом, почту и сельсовет, детский сад и школу, библиотеку и гараж сельхозтехники, контору и дом быта. И практически отовсюду виден их дом.

Выяснив это, братья возвращаются домой, где их ожидает суп, второе и компот.

Лопачевская восьмилетняя школа

Школа, в которой предстоит учиться Боре, значительно меньше шишовской, хотя и двухэтажная. Она стоит практически под окнами, не нужно идти через всю деревню. Правда, детский сад уже не по пути, а немного в стороне, хотя его тоже можно разглядеть из окна. Поэтому сначала нужно увести туда Сашу и Пашу, а потом топтать в школу. Но даже это расстояние короче, чем было в Шишах от дома до школы. Но сегодня суббота,

братьев никуда вести не нужно, поэтому в школу Боря приходит раньше всех, без десяти восемь. Над входом под стеклом висит красная с золотыми буквами вывеска: «Лопаевская восьмилетняя школа». Значит, здесь учатся не десять, а восемь лет.

Техничка отправляет его к директору. Только это совсем не директор, а директриса, которую зовут Ирина Юлиановна. Это очень немолодая, высокая подвижная женщина, которая разговаривает очень быстро, почти не разделяя слова.

– Ты Воробьёв Борис? Твой папа вчера приходил. Погодinemного. Сейчаствоя учительница тебя встретит.

Приходит учительница. Она моложе и крупнее Зои Михайловны, и голос у неё громкий и высокий, и на Борю она смотрит как на головную боль.

– Ирина Юлиановна, ну хотели же его в первый бэ, почему вдруг к нам?

– У вас Сергей Идоговучится, – говорит директриса. – Он знакомы. В детский сад вместе ходили.

Знакомое имя и вправду приободряет Борю. Учительница вздыхает и говорит:

– Ладно, идём. Меня зовут Ульяна Александровна.

– Очень приятно, – отвечает Боря, но, кажется, у Ульяны Александровны такой ответ вызывает только досаду.

Несмотря на то что школу построили совсем недавно, в классе стоят те самые старинные парты с откидывающимися крышками, как в кино, и доска чёрная-пречёрная, и даже глобус на подоконнике, хоть и маленький.

Боря тут же бросается к глобусу и начинает его крутить.

– Не сломай, – предупреждает Ульяна Александровна.

Ломать такую прекрасную вещь Боря не хочет, поэтому немедленно убирает руки от глобуса.

– Ульяна Александровна, а восьмилетняя школа лучше, чем средняя? – спрашивает он.

– Почему ты так думаешь? – по лицу учительницы впервые пробегает намёк на улыбку.

– Ну... – Боря немного смущается. – В средней десять лет учатся, а в восьмилетней – восемь. Значит, ученики за восемь лет узнают столько же, сколько за десять...

Теперь Ульяна Александровна действительно улыбается.

– Я никогда об этом не думала, Боря. Я обязательно спрошу у Ирины Юлиановны.

В это время в класс входят сразу несколько человек, и среди них – Серёжка Идогов.

– Серёга, привет! – громко говорит Боря.

Серёжка смотрит на Борю так, будто впервые видит.

Выскачка

Все мальчики в классе сидят рядом с девочками. Боре достаётся место на третьем ряду за третьей партой с Леной Митрофановой. Лена очень высокая девочка в очках и с короткой стрижкой. Она не нравится Боре, но доводов против у него нет.

На протяжении всего первого урока – это математика – Боря старательно тянет руку и отвечает правильно. Кажется, что Ульяна Александровна довольна новым учеником.

А вот одноклассники совсем наоборот. На перемене к нему подходит Серёжка и говорит:

– Ты что, выскачка?

Слова эти от старого знакомого кажутся Боре обидными.

– Я просто знал ответы.

– Все знают, а вперёд лезешь ты.

– Так никто больше руку не тянет!

– Ульяна Александровна сама знает, кого спросить. Выскачка!

– Выскочка! Выскочка! – повторяют все.

– А ты... – Боря не знает, как назвать Серёжку, но тут вспоминается неприятное выражение Кири тогда, в туалете: – А ты монгол татарских ханов!

– Это я монгол?!.

В драку они бросаются одновременно. Боря знает, что нос его слабое место, и старается не давать ударить себя по лицу. Он крупнее и тяжелее Серёжки, поэтому валит его на пол и держит руки, чтобы он ими не размахивал.

– Это что такое?! – раздаётся голос Ульяны Александровны.

– Новенький дерётся! – говорит какая-то девочка.

– Воробьёв, встань!

Боря послушно отпускает руки Серёжки, и тот сразу бьёт ему по лицу. Удар несильный, Боре почти не больно, но из носа тотчас начинает идти кровь.

– Идогов! – испуганно вскрикивает Ульяна Александровна.

Боря привычно закидывает голову и начинает шарить по карманам в поисках платка. Платка нет.

– Держи, – говорит другая девочка, и в руке Бори оказывается какой-то платок.

Он прижимает ткань к носу.

– Вообще-то, – говорит эта же девочка, – Идогов первый начал.

Боря понимает, что это говорит его соседка по парте, Лена Митрофанова.

– А чего ты за него заступаешься? Влюбилась, что ли?

– Цыганова, тебя не спрашивали! – говорит Ульяна Александровна. – Идогов, быстро на место. Лопаев, отведи Воробьёва в туалет, пусть умоется. Безобразие, детский сад развели!

Лопаев, лица которого из-за запрокинутой головы Боря пока не видит, бурчит что-то неразборчивое и тянет Борю за рукав.

Туалет как раз напротив класса. Лопаев подводит Борю к умывальнику и поворачивает кран. Шмыгая носом, Боря наклоняется над раковиной и убирает платок от носа. Кровь крупными кляксами шлёпается в воду и утекает в дырочки слива. Боря вытирает нос, прикладывает к нему смоченный платок и смотрит на Лопаева.

Лопаев невысокий смуглый мальчик с красивыми чертами лица. Боря выше его на полголовы.

– Думаешь, я выскочка? – спрашивает Боря.

– Ничего я не думаю, – равнодушно отвечает Лопаев.

Кажется, ему действительно безразлично. Боре неприятно такое отношение, и он отворачивается обратно к раковине.

– Иди уже, не заблужусь.

Лопаев уходит. Боря продолжает охлаждать нос.

Спасибо

Оставшийся день проходит без приключений. Идогов сидит с недовольной физиономией, но уже не заедается, и вредная Цыганова молчит. Когда заканчивается последний урок, Ульяна Александровна велит ему задержаться: нужно получить в библиотеке учебники.

Школьная библиотека расположена на втором этаже, рядом со столовой. Библиотекаря зовут Станислав Николаевич. Он высокий, тощий и худой, в очках с толстыми стёклами, абсолютно седой. Он выдаёт Боре учебники и помогает сложить их в ранец. В это время в библиотеку заходит Лена Митрофанова.

– Ты ничего не забыл? – спрашивает она.

Боря вспоминает про платок и начинает рыться в карманах. Нащупав искомое, он достаёт бурую от крови тряпочку. Отдавать платок в таком виде даже как-то неловко.

– Оставь себе, – говорит Лена. Голос её такой же равнодушный, как у Лопаева.

- А как же... – растерянно бормочет Боря.
- Достаточно простого спасибо.
- Спасибо...
- Пожалуйста.

Лена уходит. Боря смотрит на Станислава Николаевича. Станислав Николаевич смотрит на Борю.

- Спасибо нужно говорить вовремя, – говорит библиотекарь.

Разочарование

Боря спускается в раздевалку, переобувается, надевает куртку и выходит на улицу. На крыльце стоит Лена.

- Ты кого-то ждёшь? – спрашивает Боря.
- Нет.

Повинуясь внезапному порыву, Боря говорит:

- А давай вместе письмо Саманте Смит напишем.

Лена смотрит на него тем же холодным взглядом и говорит:

- Дурак, что ли?
- Почему дурак?
- Мы первого сентября ей уже написали.

Лена кривит губы в презрительной усмешке и уходит.

Боря чувствует, что из-под его ног медленно уплывает земля. Это же он придумал написать Саманте! Он думал, что такие идеи приходят в голову только особенным людям, а оказывается, что все вокруг ей пишут!

Боре отчаянно хочется обратно в Шиши.

Он приходит домой, переодевается, ест, а потом садится за стол в большой комнате и пишет письмо Инне:

«Здравствуй, Ина. Тут все злые и Сержка Идогов тожи. Скучяю. Пишы скарей. Боря Воробёв». Саша и Паша с уважением смотрят на старшего брата.

Звонок

Письмо Инне Боря собирается отправить в понедельник после уроков, но придя в школу обнаруживает, что произошедшее в субботу все будто забыли. Даже Идогов первым здоровается, и соседка по парте тоже как ни в чём ни бывало спросила, когда он принесёт платок. Борю это вполне устраивает. Но письмо Инне он отправить всё же должен, и Боря пишет:

«Привет, Ина. Пишыт твой друг Боря Воробёв. У миня фсё ф порядки, акак у тибя. Пишы скарей. Твой друг Боря Воробёв».

На почте он покупает конверт, вкладывает туда письмо, пишет адрес Инны, который помнит наизусть, и бросает письмо в ящик.

В пятницу звонит телефон. Боря снимает трубку и слышит взволнованный голос Инны:

- Алло! Кто это? Алло!
- Инна! – радостно вопит Боря.
- Борька, у тебя всё в порядке?!
- Да, всё хорошо! Я тебе письмо отправил!
- Получила я твоё письмо. Только что. Чуть с ума не сошла.
- Почему?
- Ты спрашиваешь ещё? Сам про всех злых написал, и про Идогова какого-то. Это кто? Не Только Идогова сын?

Боря понимает, что по ошибке засунул в конверт первое письмо.

– Нет, Инна, всё уже хорошо! Как у тебя дела?
– Точно хорошо?! А то я приеду и всем лещей выдам!
– Да точно, точно! У тебя всё хорошо?
– Ну, по сравнению с тобой – так вообще отлично. Борька, давай договоримся: если тебя кто-то обижает – ты не пиши, а сразу мне звони, понятно? А письма пиши, когда у тебя всё хорошо. И я сразу знать буду: если письмо – значит, можно не беспокоиться. Понял?

– Понял.

Боря записывает номер телефона Инны, обещает звонить в экстренных случаях и писать каждый понедельник. Когда Инна прощается, на душе у Бори будто котятка, зайчата и щенки кувыркаются. На радости он подметает всю квартиру, даже под кроватями и диваном.

«Человек. Земля. Вселенная»

В последнюю субботу сентября Боря приходит домой и обнаруживает записку: «Мы у бабушки. Поешь и иди к ней. Папа».

Боря разогревает в ковшике суп, включает телевизор и начинает есть. Транслируют передачу «Человек. Земля. Вселенная». Ведущий Виталий Иванович Севастьянов рассказывает о подготовке космонавтов к полётам. Боря орудует ложкой, наблюдая за вращением центрифуги и тренировками в бассейне, имитирующими невесомость, потом ведущий сидит в кресле и разговаривает с каким-то дяденькой, и вот тут Боре становится скучно. Он оставляет телевизор работать, а сам моет ковшик и ложку, переодевается, и совсем уже собирается выключить телевизор, как Виталий Иванович предлагает посмотреть, как готовят к полёту своих астронавтов американские коллеги.

И в первом же кадре показывают маму. Боря достаточно хорошо изучил все фотографии с ней, и ошибка исключается – на экране крупным планом показывают маму с короткой стрижкой, в очках на пол-лица, в комбинезоне. Виталий Иванович Севастьянов говорит, что это самая молодая кандидатка для полёта в космос, её зовут Кэтрин Салливан. У Кэтрин близорукость, но она проходит тренировки не как пилот, а как специалист полёта. Говорится, что Кэтрин родом из Восточной Европы и всю жизнь мечтала о космосе, и что её вдохновил полёт Валентины Терешковой.

С этого момента желание Бори написать Саманте Смит, до сей поры мутное и бесформенное, обретает смысл и чёткость. Боря быстро достаёт из портфеля ручку и записывает прямо на руке: КЭТРИН САЛЛИВАН ИНЖЫНЕР И ПРОГРАМИСТ.

Он досматривает программу до конца, надеясь узнать о маме побольше, но после сюжета о юной американке ведущий опять говорит о советской космонавтике и рассказывает о Светлане Савицкой, которая уже летала в космос в прошлом году в составе экипажа Союз Т-7, и теперь снова готовится к полёту.

Боря выключает телевизор, обувается, проверяет, все ли приборы отключены, выходит на лестничную площадку и запирает за собой дверь. Всю дорогу до бабушки он твердит только одно:

– Кэтрин Салливан, инженер и программист. Кэтрин Салливан, инженер и программист. Кэтрин Салливан, инженер и программист. Кэтрин...

Письмо

В гостях у бабушки Боря проводит весь остаток субботы. Саша и Паша носятся с маленькой Лялей по комнатам, но Боря впервые не играет с ними. Они сидит перед радиолой «Урал-112», слушает пластинку «Про Красную Шапочку» и смотрит фотографии с мамой. Сомнений нет никаких – по телевизору показывали именно маму.

Не понимая, что происходит с племянником, Люда решает поговорить. Она спрашивает про школу: какие нравятся уроки, с кем Боря успел подружиться, но обычно болтающий без умолку племянник на этот раз отвечает односложно.

Полночи Боря ворочается с боку на бок, и глубокой ночью, не в силах укротить переполняющие его мысли, встаёт с постели и идёт на кухню. Там он находит блокнот – что-то вроде справочника, куда бабушка и Люда записывают номера телефонов и адреса, но там много чистых страниц. В блокноте же лежит и карандаш. Боря садится за стол и пишет письмо.

«Дарагая Саманта. Миня зовут Боря Воробёв я учиник 1б класса лопаевской восьмилетней школы посёлка Лопاءево. У миня есть братья Саша и Паша и папа Витя он милицанер. А мама уехала в США штобы стать космонафткой. Иё зовут парускаму Катя Воробёва а паамерикански Кэтрин Салливан и ана сичас работает в наса тринируица в космос. Пажалуста пиридай ей што мы очинь паней сучяим и ждём асобинна я. Пажалуста скажы ей што это Боря ей пишыт. Спасибо. Боря Воробёв».

Поставив точку, Боря успокаивается. Аккуратно вырвав страничку, он кладёт блокнот с карандашом на место и выключает свет.

Не говори глупости

С трудом дождавшись окончания выходных, Боря в понедельник вновь приходит в школу раньше всех. Дождавшись прихода Ульяны Александровны, Боря спрашивает:

– Ульяна Александровна, а вы уже отправили письма Саманте Смит?

Ульяна Александровна недоумевающе смотрит на Борю, потом собирается с мыслями.

– Во-первых, Воробьёв, сначала здороваются.

– Ой, – смущается Боря. – Здравствуйте.

– Во-вторых, какие письма?

– Саманте Смит... – совсем растерянно говорит Боря.

– Я впервые слышу про какие-то письма.

Боря понимает, что Лена Митрофанова его обманула. Но так даже лучше.

– А давайте ей напишем!

– Воробьёв, не говори глупости, тебе учиться надо.

Боря не понимает, почему написать Саманте Смит – глупости. Но так же он понимает, что Ульяне Александровне сейчас не до него. Значит, нужно спросить у кого-то ещё.

Обстоятельный ответ

Боря поднимается в библиотеку. Станислав Николаевич уже там. Он вообще приходит в школу раньше всех, чтобы в тишине и покое полить цветы, которых в библиотеке почти столько же, сколько книг.

– Здравствуйте, – говорит Боря.

– Здравствуй, – оборачивается к нему Станислав Николаевич. В руках у него пластмассовая лейка с длинным узким носиком. – Ты просто так или по делу?

– Станислав Николаевич, а вы не знаете, как письмо Саманте Смит отправить?

– О как! – негромко восклицает библиотекарь. – О как... Надо подумать. Подожди.

Боря садится к столу с подшивкой «Пионерской правды» и ждёт. Школьный коридор тем временем наполняется привычными звуками перемены: кто-то пробежал мимо, его окликнули и отчитали, стук каблуков, шуршание портфеля, который кто-то тащит за собой по линолеуму за лямку...

– Вот что, Борис, – говорит Станислав Николаевич, убирая пустую лейку на самый высокий шкаф. – Кажется, я придумал, но мне стоит уточнить детали. Давай ты придёшь ко мне после уроков, а я дам тебе обстоятельный ответ, хорошо?

Станислав Николаевич не похож на человека, который зря обещает, поэтому Боря соглашается подождать ещё немного и идёт обратно в класс.

Спустившись на первый этаж, он сталкивается у раздевалки с Владькой Лопаевым.

– Ты откуда? – спрашивает Лопаев.

– Из библиотеки.

– А почему не взял ничего?

– Я просто так заходил, поговорить.

«Привет» с ошибкой

– Владик, – спохватывается Боря. – А вы на уроке мира письмо Саманте Смит писали?

– А ты что, написать хочешь? Влюбился, что ли?

– Обалдел?! – возмущается Боря. – Ей десять лет, а мне семь!

Довод серьёзный, и Лопаев его принимает.

– Так писали? – повторяет вопрос Боря.

– Ты чефан, что ли? – Лопаев крутит пальцем у виска. – Мы только в первый класс пошли, кто нам разрешит письма писать?!

– Почему?

– Потому что дети с ошибками пишут. Ты напишешь «привет» с ошибкой, а переводчики переведут «иди в жопу». Понял?

Боря чешет голову. В словах Лопаева есть смысл. Кажется, нужно письмо сначала проверить на ошибки.

– А что ты хочешь написать? – спрашивает Лопаев.

– Дело у меня к ней, – отвечает Боря.

– Какое?

Боре очень хочется открыться, но в это время они входят в класс, и сразу же звенит звонок. Ульяна Александровна говорит:

– Воробьёв, ранец из коридора заberi!

Боря бежит за ранцем и на время забывает о разговоре с Владиком.

Задача усложняется

Четыре урока пролетают почти моментально. На переменах Боря специально не ходит в библиотеку, чтобы не отвлекать Станислава Николаевича. Вместо этого он ищет на глобусе мыс Канаверал. Но на глобусе такого названия нет.

Едва Ульяна Александровна отпускает всех домой, Боря мчится в библиотеку. В библиотеке полно народу – и старших ребят, и из начальной школы. Большинство играет в шахматы: Станислав Николаевич ведёт шахматный кружок.

Увидев Борю, Станислав Николаевич делает знак рукой – мол, погоди, сейчас все разойдутся, и мы поговорим. Боря кивает.

После звонка и вправду все разбегаются. Станислав Николаевич достаёт из кармана сложенный вдвое лист.

– Вот что мне удалось выяснить. Саманта Смит живёт в штате Мэн, в городе Манчестер, но точного адреса нет. Ребята, которые хотят ей написать, могут отправлять свои письма в «Пионерскую правду», а оттуда их уже отправят прямиком к Саманте. Только писать нужно на английском языке.

– На английском?

– Ну, она же в Америке живёт. Там все говорят на английском языке.

– Не на американском?

– Нет.

– А по-нашему она не читает?

– Боюсь, что нет...

От приподнятого настроения Бори не остаётся и следа.

– А вы знаете английский? – спрашивает он у Станислава Николаевича.

– Нет, Борис, извини. Только немецкий, да и то со словарём.

Боря понуро плетётся к выходу.

– Пстой, – говорит Станислав Николаевич. – Тебе адрес «Пионерской правды» нужен? Я специально выписал...

Боря возвращается, берёт лист бумаги, прячет в нагрудный карман, говорит спасибо и идёт домой.

Ты что, хулиган?

По дороге Боря думает: конечно, нельзя писать письмо Саманте на русском. Она же американка, неужели она каждое письмо от советских школьников будет переводить? Ей и так, наверное, миллион писем приходит каждый день.

Чем дальше он думает об этом, тем страшнее ему становится. Учить иностранный язык начинают с четвёртого класса. Получается, ему нужно ждать почти четыре года. За это время можно состариться и умереть!

Боря поднимается на пятый этаж совершенно разбитым. Открывает дверь, и оказывается, что дома Люда и маленькая Ляля. Ляля стоит в коридоре и радостно размахивает руками.

– Бойка! Бойка! – кричит она.

– Привет, – удивляется Боря.

Люда выглядывает в коридор из ванной.

– Явился не запылится, – говорит она. Её руки в пене от стирального порошка. Видимо, папа её вчера попросил приехать. – Пойдём-ка со мной...

Люда решительно идёт на кухню, и эта решительность Боре не нравится. Он нарочно долго разуваётся, снимает ранец и куртку, но в конце концов сдаётся и тоже идёт на кухню.

И сразу становится ясно, отчего Люда такая неласковая. На кухонном столе лежит письмо Саманте Смит, которое Боря забыл под подушкой, когда ночевал у бабушки.

– Это что? – спрашивает Люда.

– Письмо, – бормочет Боря.

– Не слышу!

– Письмо.

– Кому?

– Саманте Смит.

– Ты что, совсем обалдел?! Ты хулиган, что ли, – письма в Америку писать?! Да ещё такие?!

Боря не знает, что отвечать на такие вопросы, поэтому молчит.

– Ты нас всех что, опозорить хочешь?! – голос Люды дрожит, в глазах стоят слёзы.

– Не могла твоя мама сбежать в Америку, чтобы космонавтом стать! У нас лучше космонавты!

– Я её по телевизору видел!

– Тебе показалось! Она умерла!

– Нет! Это она, я точно знаю!

– Ты чего на меня орёшь!

– Ты сама орёшь!

Ляля начинает реветь. Люда берёт её на руки и начинает успокаивать. Боря, пользуясь этим, хватается письмо со стола и убегает в комнату Саши и Паши.

– Я всё отцу расскажу! – грозит Люда.

– Ну и рассказывай! Мама всё равно в космос полетит!

Люда замолкает. Слышно её прерывистое дыхание за дверью, а ещё как льётся вода в ванной и как ревет Ляля.

«Ребятам о зверятах»

Люда молча достирывает одежду и бельё, готовит суп и второе, потом одевает Лялю и уходит, не прощаясь. Боря не понимает, за что его наказывают. Он доделывает уроки, смотрит на часы. Ровно пять. Сашу и Пашу нужно забрать из садика после шести, поэтому он подходит к телефону и набирает номер Инны.

– Да, – слышно в трубке.

– Инна, это я.

– Борька?! Что случилось?

– Я маму по телевизору видел.

– Тааак... Отец дома?

– Нет, он после семи приезжает.

– Подожди тогда немного, я скоро. Никуда не уходи, понял?

Инна бросает трубку. Боря недоумённо слушает гудки. Она перезвонит? У неё ещё рабочий день не закончился?

Чтобы как-то убить время, Боря включает телевизор. Там идёт программа «Ребятам о зверятах». Он садится на краешек дивана и пытается сосредоточиться на рассказе о крокодилах, но почти ничего не понимает, потому что может думать только о письме. Как оно, размахивая краями конверта как птица крыльями, летит через весь мир, как проносится над крышами домов и океанскими волнами, как под ним проплывают пароходы и ползут электрички, как параллельным курсом летят самолёты и лебединые стаи. Как письмо прилетает в Америку и попадает прямо в руки Саманты, как она бежит к своим родителям и показывает им письмо, как они садятся в автобус «восьмёрку» и едут...

В это время в дверь звонят. Боря приходит в себя. По телевизору начинается «Мамина школа». Кто мог прийти в такое время? Он встаёт с дивана и идёт открывать.

Неожиданный визит

На пороге стоит Инна. Куртка на ней мокрая от дождя, в руке каска. От неожиданности Боря широко раскрывает глаза, а потом обнимает Инну так, будто не видел её сто лет.

– Чаем угостишь? – спрашивает она. – А то я только-только с работы, жрать хочу, аж хохочу.

Они проходят в квартиру. Инна снимает куртку и обувь, шумно хвалит новые хоромы, немедленно занимает туалет и уже из-за двери требует разогреть чайник. Боря, как радушный хозяин, ставит чайник на огонь, наливает Инне суп, накладывает второе.

Инна выходит из туалета и заходит в ванную, где опять бурно радуется, на этот раз – горячей воде. Наконец она приходит на кухню и садится за стол.

– Рассказывай, – говорит Инна и тут же принимается есть.

Ест она так же шумно – причмокивает, хлюпает, шмыгает носом и лязгая зубами о ложку. Боря рассказывает всё – и про то, что мама хотела стать космонавткой, и про Кэтрин Салливан, и про письмо Саманте Смит, и про то, что не знает английский. За это время Инна успевает расправиться с супом и рожками с котлетой. Чайник уже вскипел, и

она наливает себе чай в пол-литровую банку, осторожно, чтобы стекло не лопнуло от перегрева. И пока она размешивает сахар, говорит:

– Борька, ты понимаешь, как тебе повезло?

– Чего? – теперь Боря удивляется даже больше, чем когда она приехала.

А того...

– А того, – говорит Инна, прихлёбывая кипяток из банки, – что среди моих знакомых, а тем более друзей, ни у кого нет мамы, которая полетит в космос. Это знаешь как?

– Как?

– Как будто у тебя папа – Андрей Миронов. Или Николай Ерёменко.

Боря не уверен, что ему нужен другой папа. Он любит своего, каким бы он ни был.

– Не понимаешь? Ну, смотри. У всех обыкновенные родители – на тракторах работают, на фермах, в магазинах. В крайнем случае – в музее. А у тебя мама – космонавтка. Если скажешь кому – обзавидуются.

– Так не поверит никто. Даже Люда не верит!

– А тебе-то какая разница? Ты же знаешь, что это правда. А не верят, так и плевать на них. Мне вот не верят, что я на мотоцикле гоняю и механиком в сэхэтэ работаю, и что, я от этого хуже в технике разбираюсь?

– Я по маме скучаю, – говорит Боря, и восторг Инны сразу скукоживается и уменьшается в размерах, как воздушный шарик на холоде.

Она некоторое время молча пьёт чай, втягивая его через губы, словно насос, а потом мрачно говорит:

– Знаешь, Борька, нельзя тебе ей писать.

Это звучит как предательство. Глаза Бори мгновенно застилают слёзы и воздух застывает в лёгких, но Инна берёт его за руку и говорит:

– Не обижайся, дослушай до конца. Ты же знаешь, что Америка – наш враг?

Боря знает, но при этом никто не считает врагом Саманту Смит. Наоборот, все думают, что она друг.

– Конечно, друг. Но тут такое дело: в Америке – капиталисты, а у нас – социализм, всеобщее равенство, нет бедных и богатых. И любой, кто захочет поехать в капиталистическую страну, тем боле – тайком, как твоя мама, считается у нас предателем.

– Мама не предатель!

– Не кипятись! Я знаю, что не предатель. Но другие-то не знают. И будут говорить: почему это твоя мама не захотела у нас в космос лететь, чего это она в Америку укатила? А если в Америке узнают, что она не Кэтрин Салливан, а Катя Воробьёва, там подумают, что она шпион, и хочет космический корабль у американцев угнать. И тогда она точно в космос не полетит. Понимаешь?

Это Боря понимает. В мире нет ничего, чего бы он хотел так же страстно, как вновь увидеть маму. Но желание мамы во что бы то ни стало стать космонавткой и побывать в космосе для него тоже важно.

– Значит, надо ждать? – тихо спрашивает Боря.

– Надо, – кивает Инна.

Разговор с папой

Папа возвращается домой после семи. К этому времени Инна уже уезжает обратно в Шиши, потому что темно и дождь, и ехать надо осторожно, а Боря забирает братьев из садика, и теперь они играют в «показуху»: заворачивают в фантики от конфет разную ерунду, дарят друг другу, разворачивают, а потом кричат: «Показуха!»

Папа обычно возвращается не в духе, но сегодня у него настроение слегка приподнятое. Сначала Боре кажется, что он выпил, но характерного запаха алкоголя нет. Хотя какой-то посторонний запах, который Боре уже немного знаком, есть.

– Боря, пойдём, поговорить надо, – говорит папа, и Боря понимает, что Люда ему звонила.

Они сидят на кухне. Папа ест, а Боря смотрит. Обычно Боре нравится, как готовит Люда (хотя у бабушки, кажется, немного вкуснее), но после сегодняшней ссоры он не притрагивается к её супу и второму, ест только хлеб с маслом.

– Ты Саманте Смит письмо пишешь? – спрашивает папа. – Мне покажешь? Я ошибки проверю.

– Я его выбросил, – говорит Боря.

Это правда. Он изорвал письмо в мелкие клочки, пока ходил в детский сад. И выбросил их в мусорное ведро у ворот садика.

– Зачем? – кажется, папа разочарован.

– Не хочу, чтобы надо мной смеялись.

– Почему это над тобой должны смеяться?

– Все говорят, что влюбился.

Лоб папы сморщивается. Он делает так, когда собирается задать вопрос, на который и сам знает ответ.

– Ты правда видел маму по телевизору?

Отпираться бесполезно, поэтому Боря признаётся:

– Да, видел. Но Люда сказала, что это не она.

– А сам ты как думаешь?

Этот вопрос без подвоха, поэтому Боря предпочитает сказать неправду.

– Уже не знаю. Сначала думал, что очень похожая. Но Люда говорит, что мне показалось.

Папа поджимает губы. Он недоволен. Он понимает, что ему говорят неправду, но заставить отвечать честно по какой-то причине не может.

– Папа, – Боря решает перейти в контрнаступление. – А правда, что если человека пять лет не могут найти, он считается мёртвым?

– Правда, – неохотно отвечает папа.

– А ты тогда снова женишься? На Люде?

Вот такого вопроса папа точно не ожидает, и глаза его лезут на лоб.

– Чего? С чего ты взял?

– Ну, она у нас готовит, стирает, совсем как мама.

Папа краснеет, потом бледнеет, потом его лицо снова становится нормальным.

– Нет, на Люде я не женюсь.

– А на ком женишься? У нас новая мама будет?

– А вот это пока не твоего мелкого ума дело, – говорит папа, кажется, грубо, но на самом деле Боря видит, что папа думает о чём-то приятном.

Проходит год

Проходит год. Умирает Юрий Владимирович Андропов, и руководителем Советского Союза становится Константин Устинович Черненко. Боря заканчивает первый класс хорошистом. Папа получает свидетельство о смерти мамы и женится на тётке Вере со своей работы. Это та тётенька, которую Боря встретил в день переезда. Оказывается, она тогда мыла полы в их квартире.

Тётя Вера хорошая, добрая, красивая, и очень нравится Боре и Саше с Пашей, но если братья легко начинают называть её мамой, то Боря никак не может этого сделать. Но тётя Вера не обижается. Она легко сходится как с мальчиками, так и с семьёй Лубенниковых.

И Люда, и бабушка находят Веру достойной доверия, у них общие интересы – вязание, шитьё и выпечка, у Веры целый портфель со всякими вырезками из журналов, и несколько тетрадей с рецептами. Втроём они обшивают всех детей, а Вера учит бабушку вязанию крючком, и бабушка вяжет подставки под все хрустальные вазы, а потом и летние женские шапочки.

Папа выписывает Боре «Пионерскую правду» и «Весёлые картинки», чтобы Боря читал братьям. Боря охотно читает, и даже учит Сашу и Пашу буквам. Письма, которые Боря посылает Инне, становятся всё длиннее и подробнее.

Боря смотрит «Сегодня в мире», «Международную панораму», «Камера смотрит в мир», программу «Время», и, конечно, «Человек. Земля. Вселенная», но маму нигде не показывают, и её имя тоже не упоминают. Но Боря продолжает ждать.

И однажды его ожидания вознаграждаются.

Мама в космосе

В связи с предстоящим Днём учителя все учителя едут на районный смотр самодеятельности работников образования. Субботние занятия отменяются, поэтому Боря с братьями отправляется в гости к бабушке ещё с пятницы. В это же время у бабушки гостят и Лёша с Мариной и их маленьким сыном Геней.

Сначала всё идёт как обычно: взрослые на кухне, дети (кроме Гены) смотрят «В гостях у сказки». Потом начинается «Сегодня в мире», у телевизора остаётся один Боря.

В конце передачи рассказывают о старте многоэтажного космического корабля «Челленджер». Боря ещё не знает, будут ли показывать американских астронавтов, но на всякий случай кричит:

– Люда, бабушка, Лёша! Идите скорей!

В комнату вбегают напуганные взрослые, и как раз в этот миг на экране начинают мелькать кадры запуска, а также фотографии астронавтов.

И показывают маму.

Это безусловно она, потому что бабушка начинает голосить, Люда хватается за бабушку, а Лёша как стоял, так и стоит, не в силах оторвать глаз от экрана.

Помимо фотографий показывают и хронику, как астронавты в скафандрах идут к стартовой площадке. Маму несколько раз показывают крупным планом, как она даёт интервью.

– Катька! Катька, доча! Катенька! – кричит бабушка. Люда обнимает её и бормочет: «Мама, мамочка, не плачь, успокойся, всё хорошо, пожалуйста». Дети в соседней комнате начинают дружно реветь.

Лёша смотрит на Боря. Нельзя понять, радуется он или боится. Кажется, он всё ещё не верит.

В комнату заходит испуганная Марина с плачущим Геней на руках и спрашивает:

– Что случилось?

Разговор на кухне

В девять вечера, в программе «Время», снова показывают сюжет о запуске космического челнока «Челленджера». Сообщается, что помимо исследовательских работ запланирован выход в открытый космос, который совершит Кэтрин Салливан, и это будет второй в мире выход женщины в открытый космос.

Боря близок к обмороку: мама не только летит на настоящей ракете, но ещё и в космос выйдет, как Светлана Савицкая! Бабушка охает и не знает, куда девать руки. Лёша, видимо, тоже не знает, что делать с руками, поэтому носит маленького Геню, который совершенно спокойно спит и не обращает внимания на суету в доме. Марина ходит за ним совершенно растерянная. Люда на ночь глядя затевает печь какой-то сложный торт, но

совсем не потому, что радуется полёту сестры. Она месит тесто со зверским выражением лица и фыркает, если к ней подбегает Ляля. Кажется, всем надо чем-то заняться, иначе опять начнутся крики и слёзы.

И тогда Боря спрашивает:

– Лёша, ты знаешь английский язык?

Лёша, гуляющий вдоль тёмного коридора с Генкой и Мариной, недоумённо смотрит на племянника. С кухни слышится голос Люды:

– Борька, не смей! Даже не начинай!

Лёша выходит на кухню:

– Чего не начинать?

Люда раздражённо швыряет на стол кастрюлю с жидким тестом, отчего оно едва не выплёскивается через край.

– Мама, – кричит она, – у нас дров нет.

– Ты чего, прямо сейчас хочешь печь? – удивляется бабушка.

– А когда ещё? У Генки, между прочим, день рождения завтра!

Бабушка растерянно накидывает фуфайку, пуховый платок, влезает в галоши и выходит из квартиры.

– Он письмо хочет писать, – говорит Люда Лёше, кивая на стоящего тут же Борю.

– Кому?

– Саманте Смит, – вставляет Боря.

– Влюбился, что ли? – хмыкает Марина.

Боре хочется сказать, что она дура, но, кажется, легче от этого никому не станет.

– Очень смешно, – говорит он. Так Ульяна Александровна говорит, если кто-то в классе пытается шутить на уроке.

– Он хочет, чтобы она к Катьке приехала и передала, как мы тут скучаем.

– Саманта Смит? – переспрашивает Лёша.

– Да, – в один голос говорят Люда и Боря.

– А зачем тебе английский?

– Ну, Саманта Смит же на английском говорит, – объясняет Боря. – Ей на английском нужно писать.

Лёша переваривает услышанное, а потом снова спрашивает:

– А почему Борьке нельзя Саманте Смит написать?

– Твою мать за ногу, Лёша, ну ты хоть не начинай, а?! – сердится Люда.

– Нет, ты объясни, – Лёша становится в дверном проёме и вопросительно смотрит на Люду. – Сейчас только ленивые не пишут ей письма, а наш Борька что – рылом не вышел?

– Вы сговорились, что ли?! Да нас по конторам затаскают, если узнают, что это Катька! А ты в засекреченной связи служил, а Витька в милиции, а деда тоже не пойми за что сюда сослали! А ещё мамыны родичи в Калининграде живут, и спрашивать будут, как так она попала в Америку да ещё и под чужим именем!

– Мама не предатель! – говорит Боря.

– А ты варежку не разевай, когда взрослые говорят! – прикрикивает на него Люда.

Боря замолкает. Когда Люда сердится, с ней боится спорить даже папа. Она плохих слов не говорит, но разговаривает с тобой так, будто ты фашист какой-то.

Но Лёша совсем не боится Люды. Он не спорит, но Боря слишком хорошо его знает, на лице Лёши написано, что он что-то придумал. А если Лёша что-то придумывает, то он как минимум попробует это осуществить.

Возвращается бабушка с охапкой берёзовых поленьев. На её платке блестят капли воды.

– Борька, быстро умываться и спать! – требует Люда.

Боря думает, что не сможет заснуть, но сон накрывает его практически сразу. Он уверен, что теперь всё будет хорошо.

Никому ни слова

Утром Люда собирается в магазин за маслом и просит Борю ей помочь. Боря понимает, что Люда просто не хочет разговаривать при всех, но не спорит и быстро собирается.

Они выходят из подъезда, рядом с которым сидит и дымит папиросой Дед Армян, здороваются с ним, проходят мимо бани и сворачивают во дворы, чтобы быстрее дойти до магазина.

– Никому ни слова, – говорит Люда.

Боря не отвечает.

– Ты меня понял?

– Понял.

Люда останавливается у сараев.

– Борька, я с тобой как со взрослым разговариваю, – говорит она, присаживаясь на корточки так, чтобы смотреть Боре прямо в глаза. – Это не шутки. Мы вообще даже не знаем, она это или не она. Ну да, очень похожа, но мало ли похожих бывает? У мамы близорукость была, с близорукостью в космос не берут. Но даже если она... – Люда переводит дыхание. – Даже если это она, то я её вообще теперь знать не хочу. Она папу твоего бросила, она вас с Павликом и Сашкой бросила, она нас бросила! Кто так поступает?! Я, может, в кино сниматься хочу, что мне теперь, Ляльку бросить?!

Боря молчит. Обычно Люда весёлая и добрая, много рассказывает о работе на заводе, и даже один раз тайком водила Борю в свой цех (Боре после этого отчаянно хочется побывать там ещё раз), но с прошлого года её просто не узнать. Разговаривая с Борей, она смотрит испытующе, будто хочет уличить в обмане. Ей не нравится, что Боря смотрит новостные программы. Если по телевизору идёт «Человек. Земля. Вселенная», Люда старается переключить программу или отправить Борю в магазин.

– Короче так, Борис, – говорит Люда самым твёрдым своим голосом. – Если ты меня подведёшь, я с тобой больше не разговариваю, понял?

– Понял, – опять повторяет Боря.

Он уже решил, что подведёт.

Твоя очередь

Торты Люда делает такие, что никто не в силах устоять, но Боря ест только маленький кусочек. Сегодня у Генки первый день рождения. Сам он этого не понимает, но Марина с Лёшей очень счастливы, особенно их радует то, что Люда сама предложила сделать торт, пусть и с расстройством.

Сегодня Генка почти весь день ходит сам, никто его не носит на руках. Зато ходит рука об руку с Лялей. Они очень часто обнимаются и целуются – в одну щёчку, в другую. Лёша называет это «политбюро», и Боря понимает эту шутку.

Сашка с Пашкой с маленькими не играют, им интересно играть друг с другом. Они целыми днями играют в шашки и в карты – «тянут душу». А недавно Лёша научил их карточным фокусам, и они показывают их друг другу, будто не знают секрета. К Боре они прибегают только тогда, когда не могут чего-то поделить. Боря отдаёт им свой кусок.

Когда все наедаются и разбредаются по углам, Лёша идёт подтягиваться. Турник у него устроен в тамбуре между туалетом и ванной. Боря ждёт, когда Люда начнёт мыть посуду, и утягивается туда же из большой комнаты.

– Ты уже написал?

– Да.

– С собой?

– Да.

– Молоток, вырастешь – кувалдой будешь.

Боря отодвигает Лёшу и подходит к вешалке, на которой висят фуфайки, старые кофты и прочая одежда, которую Лубенниковы используют, когда работают в огороде или в сарае. Боря лезет в самую глубь вещей, находит китель, в котором Лёша вернулся из армии, и вытаскивает сложенный четверо тетрадный лист.

– Конспиратор, – говорит Лёша и прячет лист в карман брюк.

– А может, Люда всё правильно говорит? – спрашивает вдруг Боря.

– Никого не слушай, щегол, – отвечает Лёша, подтягиваясь. – Катька никого не слушала.

Сначала Боре нравятся эти слова. А потом он думает: если никого не надо слушать, то и Лёшу, получается, тоже не надо? Он спрашивает Лёшу, но тот, завершив упражнение, хватая Борю за пояс и подвешивает на турник.

– Не умничай, щегол. Твоя очередь. Тянись.

Боря извивается на турнике, как червяк на крючке, кричит и сучит ногами, но безрезультатно. Он разжимает руки и больно стучается пятками об пол.

История письма

Письмо Боря пишет ещё в мае. Это был момент слабости, за который ему потом становится нестерпимо стыдно. Однако в мае Боря, живущий от одной телепередачи об Америке до другой, не выдерживает напряжения и решает написать Саманте наудачу, безо всякого переводчика. Для этого он обманывает Ульяну Александровну: говорит, что у него сильно болит живот, а сам тайком уезжает в город, а оттуда – в Шиши.

В школу он заходит одновременно со звонком на урок. Техничка сначала не хочет его пускать, но Боря просит её передать Зое Михайловне, что приехал Боря Воробьёв. Немного поворчав, она всё же соглашается, и почти сразу Зоя Михайловна выбегает в коридор, прижимает к себе Борю и тащит его в класс. В классе все радуются так, будто это не Боря приехал, а московский цирк вместе с Юрием Никулиным.

– Ты какими судьбами? – спрашивает Зоя Михайловна.

Боря говорит, что хочет написать письмо Саманте Смит вместе со всеми, как они решили в начале года. Зоя Михайловна удивлена, но быстро принимает решение.

– Так, ребята, настало время проверить себя, чему мы все научились за год, – говорит она. – Думаю, это будет хорошее окончание учебного года. Усаживаемся за парты и пишем письмо Саманте, каждый от себя. И помните – вы советские ученики, и вам нужно стараться писать без ошибок.

Она выдаёт всем по тетрадному листу в узкую линейку, велит старательно работать, а сама отправляется за конвертами.

Боря сидит на задней парте. Он уже знает, что писать, и старательно выводит слово за словом.

«Здравствуй, Саманта. Меня зовут Боря Воробьёв, я учусь в 1б классе лопаевской восьмилетней школы посёлка Лопaeво. У меня есть братья Саша и Паша и папа Витя. Он милиционер. А мама уехала в США. Её зовут на русском Катя Воробьёва, а на английском Кэтрин Салливан и она сейчас работает в НАСА, чтобы лететь в космос. Пожалуйста скажи ей что мы очень по ней скучаем и ждём. Особенна я. Пожалуйста скажи ей что это Боря ей пишет. Спасибо. Боря Воробьёв.»

У Бори с собой есть свой конверт на космическую тематику, и свой лист бумаги. В конверте лежат мамины две мамины фотографии. Однако ребята всё ещё сочиняют свои письма, поэтому Боря пишет письмо ещё раз, чтобы на него не оглядывались.

Зоя Михайловна возвращается с кипой конвертов, и раздаёт их по партам. Боря заклеивает оба конверта, но выданный Зоей Михайловной тайком прячет в карман.

Подписанные конверты Зоя Михайловна перевязывает лентой и обещает отправить в «Пионерскую правду», чтобы оттуда уже письма первоклассников отправили в США.

Несколько дней после этого Боря мучается совестью: а вдруг из-за письма мама всё-таки не полетит в космос? Он даже звонит Зое Михайловне, и всеми правдами и неправдами пытается выяснить, нельзя ли заменить написанное письмо на другое, но вся корреспонденция уже отправлена.

По иронии судьбы именно оно и попадёт в руки Саманты в роковой вечер 25 августа 1985 года.

Судьба второго письма

Лёша вместе с Мариной переводят Борино письмо с русско-английским словарём, и тоже отправляют его в «Пионерскую правду». Однако почтовый фургон, который должен был доставить груз в областной центр, угоняют, а потом сжигают в лесу несовершеннолетние хулиганы, которых, впрочем, быстро ловят и отправляют в колонию.

Среди дознавателей по этому делу работает и тётя Вера.

Судьба первого письма

Боря очень ждёт ответа на своё письмо. Однако до Нового года, по уже известной нам причине, не приходит никаких известий. С каждым днём Боря становится всё мрачнее. Он не тянет руку на уроках, без выражения читает заданные на дом стихи и не приходит на новогодний утренник. У него пропадает аппетит, он худеет, и единственное, что его интересует – международные новости и передача «Человек. Земля. Вселенная». Тётя Вера, несмотря на беременность, носится с Борей по врачам, но по всем показателям мальчик здоров.

Из этого полубморочного состояния Борю выводит рождение Нины, причём имя предлагает сам Боря. После чего он начинает называть тётю Веру «мама», помогает купать и пеленать Нину, и вообще берёт на себя много домашних дел: магазин, уборку, посуду, всё то, что взяла на себя тётя Вера, переехав к Воробьёвым.

Вскоре умирает Константин Устинович Черненко. Генеральным секретарём назначается Михаил Сергеевич Горбачёв. В стране начинается перестройка.

Лёша несколько раз предлагает Боре написать новое письмо, но Боря решает, что права была Люда. Мама их бросила, и за всё это время никак не пыталась связаться. Значит, она их совсем не любит. Так тому и быть.

Между тем письмо, отправленное в мае восьмидесят четвёртого года, лежит в редакции «Пионерской правды» даже не распечатанное. Корреспонденции на имя Саманты Смит так много, что никто не знает, что с ней делать.

Однако в отделе писем меняется начальник. Он отдаёт приказ: составить график, по которому все письма должны быть разобраны за все летние месяцы. Сотрудники устраивают мозговой штурм, выбирают ответственных, и вскоре мешки начинают стремительно пустеть. В газете появляется рубрика «Письма Саманте», в которой рассказывается о работе с письмами американской школьнице. Сообщается, что любовные признания и просьбы прислать куклу Барби отправлять в США не будут, так как они позорят звание советского школьника, и пусть их авторам будет стыдно. Затем говорится, что все призывы к миру тоже отправлены не будут, поскольку это основная масса писем, и отбор пройдут только особенно убедительные и хорошо написанные, которые так же будут публиковаться в газете.

Постепенно завалы начинают таять, и в конце концов дело доходит до писем первоклассников шишовской средней школы.

Читает их Даша Лодыгина. Все письма похожи одно на другое, даже ошибки во многих похожи, и конверты одинаковые. Однако один конверт оказывается не только отличным от других, но и более плотным.

Даша читает письмо Бори Воробьёва несколько раз. Внимательно рассматривает фотографии. Потом звонит своему другу, Диме Каратееву:

– Димка, зайди ко мне на минутку. Не могу понять, что тут такое.

Дима Каратеев заходит к Даше и тоже несколько раз читает письмо.

– Никому ни слова, – повторяет он, сам того не подозревая, реплику Бориной тётки.
– Мне нужно это кое-кому показать.

Кое-кто – это известный журналист-международник, с семьёй которого дружат родители Димы. Дима ждёт, пока кое-кто вернётся из командировки в США, и показывает ему письмо.

Журналист-международник чувствует, чем это пахнет.

– Никому ни слова! – говорит он, и выходит на американского атташе по культуре.

Атташе читает письмо и рассматривает фото. И говорит:

– Если это правда – это скандал. Очень большие люди полетят с кресел. За что вы нас так ненавидите?

Журналист-международник убеждает атташе, что не испытывает к американскому народу ничего, кроме уважения, и предлагает отправить письмо адресату.

– Это же можно подать и как продолжение «Союза-Аполлона»: советский космонавт в американском экипаже, Интеркосмос, дружба, мир, жвачка!

– Салливан – национальный герой, ты понимаешь, что начнётся в Штатах, если выяснится, что она русская?

– Так пускай эту кашу заварят Смиты! – говорит журналист-международник. – Им не привыкать, они сами эту кашу заварили два года назад, пусть и расхлёбывают.

– Володя, ты уверен, что ты не из КГБ? Это очень похоже на их штучки.

– Даже если бы был, всё равно не признался бы, – смеётся Володя. – По рукам?

Письмо отправляется в Манчестер, штат Мэн. Но в это время Саманта с отцом в Лондоне, на съёмках сериала «Лайм стрит». Всю почту читает Джейн Смит. Работы много, Джейн распределяет письма на те, которые дать прочесть Саманте, которые показать Артуру, а которые и вовсе переправить в полицию. Письмо из Советского Союза приходит за день до возвращения Артура и Сэмми. Джейн не верит переведённому тексту и просит знакомую славистку заглянуть вечером на чашку кофе.

Славистка читает оригинал и испуганно смотрит на Джейн.

– Серьёзно? – Джейн всё ещё не верит. – Так и написано?

Женщины разглядывают фотографии, находят журнал «Лайф» с фотографией Кэтрин Салливан на обложке.

– Бог ты мой... – шепчет славистка.

Из уст Джейн вырывается сакраментальное «никому ни слова».

25 августа 1985 года она едет в аэропорт Огасты. Но ждать она не может, звонит в Бостон, находит Артура, и всё выкладывает по телефону.

И тем самым спасает жизнь мужу и дочери.

Знак судьбы

Артур и Саманта решают остаться в Бостоне, чтобы с утра отправиться в редакцию «Бостон Глоб», где работает университетский приятель Артура. Смиты снимают номер в отеле и валяются спать.

Ранним утром их будит звонок Джейн.

– Артур, срочно включай телевизор!

В новостях сообщается, что легкомоторный самолёт «Бичкрафт 99» местной авиалинии из-за сложных погодных условий вместо Огасты был перенаправлен в муниципальный аэропорт Оберн-Льюистон, где пилот промахнулся мимо взлётно-посадочной полосы и разбился. Погибли четверо пассажиров и два члена экипажа.

– О господи! – говорит Сэм. – Па, это наш самолёт!

Артур обнимает дочь. Она плачет, потом смеётся, потом снова плачет. Артур даёт ей немного успокоительного и снова укладывает в постель.

– Я не хочу спать, – сопротивляется Сэм. – Не сейчас.

– Нет, милая, тебе нужно поспать. Теперь для нас уже вопрос чести – довести это дело до конца. Я попрошу маму отправить оригинал письма Дэнни. Поспи, у нас очень много дел.

– Это знак, да? – спрашивает Сэм. – Знак судьбы?

– Я не верю в судьбу, Сэмми, ты же знаешь. Не забивай себе голову. Мы живы, и мама знает, что с нами всё в порядке. Спи.

Что делать?

Дэниэл Ллойд, репортёр «Бостон Глоб», сидит в кафе напротив редакции и смотрит на часы. Артур Смит и Сэм появляются за пару минут до назначенного времени. Саманту не узнать: она постриглась, вытянулась. Неудивительно, что ей предложили роль в мыльной опере. Интересно, что у них случилось? Скандал на съёмочной площадке в Лондоне?

– Привет, Дэнни, – здоровается Артур. – Сэмми, знакомься: это Дэнни Ллойд, будущий лауреат Пулитцеровской премии.

– Очень приятно, сэр.

– Никаких сэров, просто Дэнни. Я заказал нам кофе и булочки.

– Спасибо. Дэн, я не буду тянуть кота за хвост. Это письмо из России, посмотри и скажи, что ты думаешь.

Дэниэл надевает очки и читает. Брови его сразу ползут вверх, подслеповатые копии фотографий заметно дрожат в руках.

– Твою... простите... Артур, это что?!

– Оригинал тебе доставят сегодня курьерской службой. Я мог обратиться с этим только к тебе.

– Это правда?

– Откуда я могу знать? Джейн вчера огорошила нас, едва мы прилетели.

Дэнни снимает очки и начинает протирать их салфеткой.

– Святые бананы, да из-за этого не то что Штаты – весь мир на уши встанет. Русская нелегалка внедряется в НАСА, да ещё и в открытый космос выходит... Артур, дружище, ты думаешь, мне дадут об этом написать?!

– Мне обратиться в другое издание?

Мужчины сверлят друг друга взглядами. И Саманта пользуется случаем.

– Почему взрослые видят во всём лишь заговор и преступление? – говорит она. – Мы ничего не знаем. Мы даже фотографий не видели настоящих, всё только со слов мамы и по этим копиям. Может быть, мальчик потерял маму, и теперь ищет её во всех похожих женщинах.

– То есть мы всерьёз рассматриваем письмо сумасшедшего русского пацана? Артур, я тебя не узнаю. Ты же работаешь с корреспонденцией Саманты больше двух лет, неужели ты не научился ещё отделять зёрна от плевел? К тому же это может быть провокация КГБ...

Саманта хватает бумаги и встаёт из-за стола.

– Извините, сэр... Дэнни. Кажется, мы не по адресу. Папа, поедem домой и там всё обдумаем...

– Стоп, стоп, – Дэниэл тоже вскакивает. – Давайте не будем горячиться, юная леди. Вы должны понимать, что ситуация более чем неоднозначная, и прежде чем влезать в драку, я должен взвесить все за и против.

– Ответ очевиден – не влезайте в драку.

Артур следит за этой сценой с открытым ртом. Дэнни стоит перед Самантой и выглядит так, будто его сейчас удар хватит. Саманта похожа на учительницу младших классов, которая отчитывает родителей шалуна. И совершенно непонятно, играет она или всерьёз.

– Окей, – Дэнни поднимает руки. – Может, вы мне скажете, что делать?

– Скажу, – спокойно говорит Сэмми. – Давайте пригласим этого мальчика в Соединённые штаты.

– Что? – хором спрашивают Артур и Дэниэл.

– Пригласим его к нам, – повторяет Саманта.

События вокруг

Боря отправляется в третий класс. Саша и Паша идут в первый. Ребята сейчас живут в одной комнате, близнецы спят на самодельной двухъярусной кровати, Боря – на койке с панцирной сеткой. Уроки приходится делать по очереди, поэтому Боря старается делать всё в школе, сидя в библиотеке у Станислава Николаевича.

Папа почти не пьёт, но дольше задерживается на работе. Мама Вера всегда очень радуется возвращению Бори из школы. Вместе они гуляют с Ниной, ходят в магазин, а иногда Боря сам сидит с сестрой, чтобы папа с мамой могли сходить в кино или в гости.

Кажется, всё вокруг пришло в норму. На самом же деле вокруг Бори начинают стремительно развиваться события буквально международного масштаба.

В короткой цепочке, ведущей от отдела писем «Пионерской правды» к американскому атташе по культуре, находится слабое звено. Скорей всего, слабы все звенья, но в итоге это уже не важно. В кратчайшие сроки о письме первоклассника Бори Воробьёва становится известно на самом верху. Генеральный секретарь даёт приказ разобраться в ситуации, но деликатно.

Компетентные органы проводят короткое, но тщательное и действительно деликатное расследование. К ужасу всех вокруг, собранная информация не может ни подтвердить, ни опровергнуть слова мальчишки. Это значит, что американская национальная героиня может быть запросто советской перебежчицей. Задействуется иностранная резидентура, но и она не может со стопроцентной гарантией идентифицировать Кэтрин Салливан.

Между тем из американского посольства в Москве в аппарат ЦК поступает письмо: в порядке доброй воли и в рамках борьбы за разоружение, учитывая невероятно плодотворный визит американской школьницы в СССР, одна из известнейших газет Америки, «Бостон Глоб», предлагает руководству Советского Союза отправить в Соединённые Штаты Америки советского школьника. В качестве принимающей стороны выступает Саманта Рид Смит, она же будет сопровождать советского школьника в путешествии по Америке. Расходы за проезд и всё время пребывания школьника в Америке «Бостон Глоб» берёт на себя. В качестве же гостя Саманта Рид Смит хотела бы видеть ученика Лопаяевской восьмилетней школы Борю Воробьёва, чьё письмо глубоко тронуло и растрогало Саманту.

– Это что – провокация ЦРУ? – возмущается Генеральный секретарь. – Что за бесхозяйственность вы мне тут развели: никто не знает, что происходит в собственной стране. Разобраться и предоставить исчерпывающий отчёт в самое кратчайшее время.

Увы, результаты те же самые.

В отчаянии советская резидентура в Стокгольме назначает несанкционированные переговоры ЦРУ. В ходе встречи выясняется, что и ЦРУ, и ФБР тоже копают под Салливан, и тоже не могут подтвердить или опровергнуть подлинность её гражданства.

На стол Генерального секретаря ложится новый подробный доклад. Нельзя сказать, что Михаил Сергеевич доволен, но информация о том, что вероятный противник тоже находится в растерянности, несколько подслащивает пилюлю.

– Ладно, давайте разрешим эту авантюру. Посмотрим, что из этого получится.

Письмо от Саманты

Зимние каникулы в самом разгаре. Боря с братьями и одноклассниками гоняет с ледяной горы чуть ли не с утра до вечера, и домой возвращается красный, мокрый и весёлый. Скоро ему исполнится десять лет, и мама Вера обещает ему совершенно невероятный подарок: морской бинокль, который стоит чуть ли не как телевизор.

Однажды он возвращается домой чуть раньше чем обычно, и сталкивается в подъезде с почтальоншей Анной Ивановной. Она смотрит на Борю со странным выражением – удивлением и завистью.

Ничего не понимая, Боря поднимается к почтовым ящикам, расположенным между первым и вторым этажами, и заглядывает в свою ячейку. Там толстая «Литературная газета», «Пионерская правда», «Комсомольская правда», журнал «Сельская молодёжь» и конверт.

Конверт явно нездешний, очень яркий, в разнообразных штемпелях, весь облепленный марками, но самое главное – буквы на нём иностранные.

Сердце Бори начинает колотиться так сильно, что он даже начинает задыхаться. Он роняет на пол всю почту, кроме письма. Непослушными с мороза пальцами он разрывает конверт, на котором понимает только два слова – Samantha Smith.

Письмо внутри тоже на английском. Боря быстро подбирает всё, что уронил, и на первой космической скорости устремляется на пятый этаж. Он вваливается в квартиру и кричит:

– Мама! Мама!

– Я тут, Борь, – отзывается мама Вера с кухни. – Что случилось?

Боря, не раздеваясь, заходит на кухню, и спрашивает:

– Ты знаешь английский?

– Ну, так, соу-соу, – отвечает мама Вера.

– Прочти, пожалуйста, – и Боря протягивает ей письмо.

Мама Вера берёт письмо и читает:

– Привет, дорогой Боря. Я... э... видимо, это «получила»... да, получила твоё письмо... Хм... Нет, Боря, я не очень понимаю. А откуда это?

– Это от Саманты Смит.

– Что?!

Мама Вера хватается за конверт и читает:

– Манчестер, Майн, Ю-Эс-А. Саманта... – она поднимает глаза на Борю. – Борька, обалдеть! Это точно от неё! погоди, у меня где-то словарь был карманный.

Примерно через час мама Вера с грехом пополам переводит письмо. Там написано, что Боря очень растрогал Саманту своей историей, и она приглашает его в гости на две недели, начиная с февраля этого года.

– В гости? – переспрашивает Боря.

– В гости, – кивает мама Вера. – Борька, я не знаю, что ты там такое написал, но я тобой горжусь!

– Не горжусь, а горжусь, – рассеянно поправляет Боря.

– Другие пусть горжатся, а я горжусь, – мама Вера берёт Борю в охапку и прижимает к себе. – Ну и сынище я себе отхватила!

Боря становится дико стыдно. Ведь его цель – встретиться с настоящей мамой. Значит, что Вера – просто чужая тётя, которая почему-то живёт в их квартире. Но он уже не может относиться к ней как к чужой. И получается, что он её сейчас предаёт.

Семейный совет

Известие о письме из Америки распространяется со скоростью верхового лесного пожара. Уже к вечеру все Лубенниковы собираются в квартире Воробьёвых. Все галдят и спорят. В первую очередь о том, кому сопровождать Борю. Папа сразу отказывается. Он вообще против того, чтобы Боря ехал в Америку.

– Этот засранец тайком от всех, значит, письмо отправил, а я его отпускать должен?

– Не тайком, – заступает за племянника Лёша. – Это мы с Мариной его письмо перевели. Не хочешь ехать – мы поедем.

– Тебя не выпустят, – говорит Люда. – Забыл, что ты в засекреченной связи служил? Я с Витей согласна – нельзя Борьку никуда отпускать. Слишком своевольный стал. Опозорил на весь мир...

– Почему опозорил? – вмешивается мама Вера. – Да он сейчас знаменит будет не меньше этой Саманты! Он же хороший мальчик! И учится хорошо, и помогает...

– Вера, не говори, чего не знаешь, – качает головой Люда.

– Как это не знаю? Я с ним каждый день времени чуть не больше, чем с Витей провожу. Для него же на всю жизнь событие, вы чего?

– Господи, Вера! Да он туда к матери своей уехать хочет, понимаешь?

– В смысле? – теряется Вера.

Все, кроме папы, наперебой рассказывают ей историю про маму. Настоящую маму. Мама Вера слушает, и глаза её наполняются слезами. Она смотрит на Борю, и тот не знает, куда деваться от стыда. Но дальше происходит то, чего никто от Веры не ожидает. Она подходит к Боре, прижимает к себе и говорит:

– Только попробуйте его не отпустить! Боря, не слушай никого, понял? Ты поедешь! Слышишь меня? Я тебе обещаю – поедешь! Все слышали?!

Боря обнимает маму Веру и начинает плакать.

– И повезёшь его ты! – говорит мама Вера Люде.

– Я?!

– А кто ещё?! Бабушка?!

Бабушка испуганно жмётся к Лёше.

– Не поеду я ни в какую Америку. Я самолётов с войны боюсь!

– Витя тоже не поедет. Не дай бог он там выпьет – и позору не оберёшься. И даже не спорь, Воробьёв, знаю я тебя! Лёшу, видимо, не выпустят. Так что остаёшься только ты. И только попробуй отказаться!

– Да я...

– Только попробуй!

Кажется, в лице мамы Веры Люда впервые получает достойного противника.

Решение принято. Боря едет.

В путь

Пройдя массу комиссий и инстанций, многократно прокляв всех и всё на свете, Люда получает выездную визу. Борю оформляют проще, но с ним другая проблема: ему не дают прохода журналисты. Всем интересно знать, что именно он написал Саманте Смит. Но в инстанциях всем – и Боре в том числе – даны самые жёсткие инструкции: не разглашать содержания письма. Поэтому единственно, что Боря может ответить – это то, что всего лишь рассказал о своей семье.

Январь пролетает за подготовкой к поездке. Люда обновляет гардероб прямо в Москве, под руководством ведущих модельеров. Люду даже в партию принимают. С Борей усиленно занимаются английским языком ведущие педагоги, но за столь короткий срок впихнуть в голову мальчику удаётся разве что «Привет», «Как дела?» и «Меня зовут Боря, я из Советского Союза».

В назначенный день Боря с Людой садятся в Ил-86 и отправляются в путешествие, которое делает их знаменитыми на весь мир.

Встреча

1 февраля 1986 года. Самолёт «Аэрофлота» мягко приземляется в международном аэропорту имени Джона Кеннеди в Нью-Йорке. Паспортный контроль для Бори и Люды организуют по упрощённой схеме, и вскоре они вместе с переводчиком Сергеем Владимировичем выходят в зал встречающих.

– Людмила Васильевна, улыбайтесь, пожалуйста, – негромко просит Сергей Владимирович. – Сейчас нападут репортёры...

Там толпа! Фотовспышки работают так часто, что, кажется, и не гаснут вовсе. Гостей приветствуют радостными криками, народ машет флажками – американскими и советскими, и впереди всех – Саманта. Боря узнаёт её несмотря на то, что косичек давно нет и выглядит она уже не как девочка, а как взрослая девушка, но лицо всё такое же – улыбочивое и открытое.

– Саманта! – кричит Боря, и бежит навстречу.

– Борья! – кричит Саманта, и тоже устремляется вперёд.

Они останавливаются примерно за полметра друг от друга, смотрят в глаза, оглядываются – и пожимают руки.

«Челленджер»

Боря с Людой и Саманта с папой, а также Сергей Владимирович почти прижимаются к панорамному окну в диспетчерской вышке на авиабазе «Эдвардс», Калифорния. Все усталые, но возбуждение преобладает. С минуты на минуту на посадочную полосу 23 приземлится космический челнок «Челленджер». Миссия «Челленджера» началась неделю назад во Флориде, при старте были серьёзные технические неполадки, но всё обошлось, и сейчас он приземлится.

Кэтрин Салливан – специалистка полёта в этой миссии. Как сообщает переводчик, Кэтрин должна была лететь через четыре года на шаттле «Дискавери», но ей пришлось подменить Джудит Резник, которой врачи рекомендовали пропустить этот полёт. Кроме того на борту ещё одна астронавтка, школьная учительница Криста Маколифф. Саманта и Боря тут же знакомятся с её детьми Скоттом и Кэрл.

Уже слышен низкий гул приближающихся двигателей. В толпе встречающих кто-то замечает точку в ярко-голубом небе. Все взгляды прилипают к этой точке. Боря представляет, что притягивает космический корабль к земле, как бумажного змея, и тянуть нужно осторожно, чтобы змей не вильнул в воздухе, не упал.

Саманта держит Борю за руку и заново переживает момент, когда узнала об аварии своего самолёта, и отчаянно молится, чтобы всё обошлось.

Люда терзает рукоятки сумки, пальцы её побелели настолько, что, кажется, совершенно обморожены. Сергей Владимирович как можно мягче касается её локтя:

– Спокойнее, Людмила Васильевна. Всё в порядке.

Люда немного ослабляет хватку.

Гул нарастает, постепенно превращаясь в рёв. Уже можно разглядеть крылья, хвост и брюхо «Челленджера». Уже видно, что выпущены шасси. Три, два, один... Касание! Все зрители аплодируют. Шаттл постепенно замедляет движение, начинает руление на полосе. Наконец он останавливается, и к люку подгоняют трап.

Боря изо всех сил сжимает руку Саманты. Саманта сжимает его руку в ответ.

Люк открывается. Сейчас один за другим под солнце выйдут восемь астронавтов, среди которых – Боря уверен – есть его мама.

Но именно в этот момент он может думать почему-то только об одном: как зовут девочку Мешковых.

Нина.

20 июня – 12 октября 2020 года